

СЕРГЕЙ ТРАХИМЕНОК

Уехать в Париж...

Киноповесть

Черный аист летел над взорвавшимся энергоблоком. И что удивительно, хотя солнце было за облаками, тень птицы стремительно двигалась по земле, словно символизируя время, которое не остановить и не замедлить...

Затем кадр сменился, и над энергоблоком вновь засияло солнце. Но уже в следующий момент оно стараниями оператора превратилось в черное пятно, из-за которого, похожие на множество рук, торчали золотистые лучи...

— События октября прошлого года, — произнес ведущий, — невозможно оценить однозначно...

Елена оторвала свой взгляд от видеоплеера и взглянула на экран телевизора, где на одном из русских каналов шла передача о событиях 3 октября 1993 года в Москве.

— Разумеется, — ответил ведущему оппонент, — все это крайне амбивалентно...

Елена тихо выругалась.

«Амбивалентность» самое модное слово начала девяностых годов двадцатого века. Кто его только не употреблял. Ученые говорили о глобальных переменах, причем один и тот же факт одни оценивали как катастрофу, а другие как вселенское благо, — необходимое разрушение старых связей, которые мешают человечеству развиваться. Третьи пытались примирить первых и вторых, ссылаясь на то, что жизнь и ранее была амбивалентна, и приводили слова Антуана де Сент-Экзюпери о том, что мавру колодец в пустыне, в котором вода вперемешку с верблюжьей мочой милей, чем фонтан в Париже.

В Париже... Почему именно в Париже? Только ли потому, что Экзюпери был француз, или Париж по каким-то причинам стал для эстетствующих интеллектуалов неким мерилем всего прекрасного...

Эта мысль на какое-то время отвлекла Елену от просмотра видеоплеера, но потом она снова вернулась к видеозаписи фильма «Звезда Полюнь», где в конце восьмидесятых снялась в главной роли. Однако телевизор, а точнее полемика, происходившая в нем, мешали, и Елена выключила его, полностью сосредоточившись на видеозаписи.

А запись была некачественная, на экране все время тянулись продольные полосы, что создавало иллюзию старого пленочного кино. Но Елена так же, как мавр Экзюпери, не обращала на это внимания. Для нее скудный пейзаж Чернобыля был милей, чем набережная Брайнли, на которой она жила вот уже три года.

Елена нажала на кнопку пульта, остановив действие на эпизоде, в котором ее героиня отказывалась эвакуироваться из зоны радиационного заражения, поднялась с дивана и подошла к открытому окну.

Перед ней, как на рекламе, расстился ночной Париж, матово-черный, поделенный на кварталы, освещенный миллионами электрических фонарей, со своим

фирменным знаком посередине — Эйфелевой башней, так же расцвеченной огромным количеством электрических огней.

Елена поймала себя на мысли, что три года в Париже не прибавили ей знаний о городе. Конечно, она посетила все, что предписывали туристические каталоги. Но и до приезда в Париж она знала, что Фонтенбло, проектировал и строил Бенвенуто Челлини, а в Лувр легче попасть через подземный торговый центр «Carrousel du Louvre», непосредственно со станции «Palais-Royal — Musee du Louvre» или же через вход, расположенный неподалеку от Арки Карузель. Если же идти обычным для туристов путем к «пирамиде», то можно настояться в таких очередях, которые даже у приезжих из стран бывшего соцлагеря вызывали оторопь.

И она не хуже любого гида могла рассказать о том, как проехать на остров-Сите и чем знаменита возвышающаяся там жемчужина французской готической архитектуры — кафедральный собор Нотр-Дам де Пари. А также поведать, почему писатель Ги де Мопассан, ненавидевший Эйфелеву башню, предпочитал обедать в одном из ее ресторанов.

— Это единственное место в Париже, — якобы говорил он, — с которого невозможно увидеть столь бесполезное и чудовищное сооружение, уродующее Париж.

Из окна четырнадцатого этажа почти не слышен гул автомобилей, и панорама Парижа выглядела рекламной и даже сказочной. Хотя, если спуститься вниз, то обаяние сказочности мгновенно улетучится, и ты попадешь в запахи чеснока, стоялой воды, бензиновой гари и собачьих экскрементов.

Об этом ей не раз говорил сын Павел, когда приезжал в Париж. Павел учился в радиотехническом институте в Минске и имел возможность приезжать к ней только на летних каникулах.

Елена вернулась к дивану, посмотрела на часы. На циферблате было два часа ночи. Значит в Минске двенадцать. Павел уже должен быть дома. Она набрала номер телефона. Но телефон на квартире Павла молчал.

— И где может быть этот несносный мальчишка? — произнесла Елена вслух.

* * *

А несносный мальчишка в это время «оттягивался» в дискобаре комплекса «Олимпийский» в Минске в доброй тысячи километров от Парижа. Именно в тот момент он пригласил на танец свою подружку по имени Жанет. Они поднялись из-за столика и стали проталкиваться сквозь толпу танцующих в центр зала.

Тут только стало видно, что Павел на голову выше своей партнерши и вполне соответствует своему возрасту и третьему курсу вуза, а его ровесница Жанет больше походила на маленькую девчонку-подростка. Причем подростка-задиру. Об этом свидетельствовало не только ее выражение лица, взгляд чуть исподлобья, демонстративное отсутствие косметики, но и черные не глаженные брюки и коричневая трикотажная кофточка без рукавов, больше похожая на майку.

Когда они достигли середины танцпола, дискжокей сменил пластинку, и голос Юры Шатунова запел про дикие розы.

— Боже, какие рифмы, — произнес Павел, — розы — морозы.

— Нормальные рифмы, — ответила Жанет, — мне нравится.

— В свое время Пушкин поиздевался над читателями, которые опускались до таких рифм или ждали такие рифмы.

— Огласи, — лениво, в такт движениям, произнесла Жанет.

— И вот уже трещат морозы, и серебрится середь полей, — начал Павел и сделал паузу.

— Ну... а дальше?

— Читатель ждет уж рифмы розы, на вот, возьми ее скорей...

— И что?

— Здорово, тебя не впечатляет?

— Не-а.

Музыка закончилась, и Павел с Жанет стали проталкиваться обратно к своему столику.

— Возьми два коктейля, — сказала Жанет и вытащила из кармана брюк несколько смятых бумажных купюр.

Павел взял их и направился к бару.

* * *

Елена снова набрала номер. Результат тот же самый. Тогда она позвонила мужу.

— Бонжур, — произнесла она после того как произошло соединение, — Гаetan, я третий день не могу дозвониться ему домой,

Мужской голос, говорящий по-французски, стал успокаивать ее.

— Сегодня мне приснился страшный сон, — перебила его Елена.

— Не всем снам надо верить, — произнес мужской голос, уже на плохом русском.

— А тут еще тебя нет...

— Дорогая, — ответил мужчина, — у меня дела... за пределами Франции.

— А у меня проблемы... за ее пределами, — капризно произнесла Елена.

— Ну, ну, больше оптимизма, пока нет повода для беспокойства. Павел молодой человек, он мог уехать на пикник с товарищами.

— Он не ездит на пикники с товарищами. Он кроме своих компьютеров ничем не интересуется.

— Ну почему же, у него есть подружка. Возможно, он проводит время с ней или у нее.

— Глаза б ее не видели. Тебе надо было уговорить его остаться в Париже во время последнего приезда.

— И как бы я это все сделал?

— Поговорил бы по-мужски.

— Я с ним говорил.

— Значит, не так говорил.

— Так, так. И могу сказать совершенно серьезно, он не хочет жить в Париже.

— Да, — согласилась Елена... — Ты как всегда прав. Он действительно не хочет жить в Париже. Извини за тон. Я постараюсь найти Ирину, она как раз на съемках в Минске.

— Кто есть Ирина?

— Ирина — моя подруга и сокурсница по ВГИКу. Она известная российская актриса, снималась у Бондарчука-старшего.

— А что есть еще и Бондарчук-младший?

— Есть и младший.

— Поступай, как считаешь нужным.

— А ты как бы поступил на моем месте?

— Мне трудно быть на твоём месте, точнее я не могу быть на твоём месте. Но если все так серьезно, ты можешь слетать в Минск на неделю-другую, — сказал Гаetan и положил трубку.

* * *

Расплачиваясь за коктейли, Павел краем глаза заметил, как за их столик подсел нагловатый парень и что-то сказал Жанет. Однако, увидев, что Павел возвращается к столику, парень вскочил со стула и, напевая: «Ви олл лыв ин зе йеллоу субмарин!» — исчез.

— Кто это был? — спросил Павел.

— Валет, — ответила Жанет.

— И кто такой Валет?

— Шестерка Кривого.

— Странное сочетание, Валет — шестерка Кривого. И что ему надо?

— А то ты не знаешь?

— Не знаю, — с оттенком ревности произнес Павел.

— Ну, так знай. Он напомнил о твоём долге Кривому.

— Как они нас нашли?

— А мы что, скрывались что ли?

— Нет, но все-таки. Дома я не появляюсь...

— Нашел тоже способ скрыться, — произнесла Жанет, опуская соломинку в стакан.

В это время к их столику подошел бритый парень в белой футболке, на которой сверхкрупными буквами было написано «СССР».

Он по-хозяйски сел на свободный стул.

— А это кто? — спросил Павел у Жанет.

— А это Боб, — ответила Жанет с некоторой иронией, — он тут самый крутой.

— Точно, — подтвердил Боб, — а знакомы мы с твоей подружкой по клубу «Кик файтер», куда она одно время ходила тренироваться...

— Да? — удивился Павел и посмотрел на Жанет.

— Да, да, — ответила Жанет и с неприязнью взглянула на Боба. Но тот не обратил на это внимания.

— Я могу решить твои проблемы, — сказал Боб, обратившись к Павлу.

— Он сам их решит, — ответила за Павла Жанет.

— А с тобой, крошка, базара нет.

— Шел бы ты, дядя... лесом, — произнесла Жанет.

— Да ты стала шустрой, — заметил парень.

— Я ей и была, — тут же отреагировала Жанет.

— Я сам разберусь, — прервал их перепалку Павел.

— Ну, разбирайся, — произнес Боб, — но учти, с каждым днем цена моей помощи будет возрастать.

Боб поднялся со стула и враскачку пошел к бару.

— Он действительно что-то может? — спросил Павел у Жанет.

— Да, — ответила та, — он может кирпичи головой бить, этого у него не отнимешь.

* * *

Минск. Комплекс «Олимпийский». Из дверей вышел парень в белой футболке с надписью на спине «СССР». Он пытался поймать такси. Но машины, не останавливаясь, проезжали мимо.

Неподалеку от входа в «Олимпийский» стояли «Жигули» шестой модели, а возле них Валет.

— Позвони Колянну на пейджер, — сказал одному из сидящих в салоне.

— Я на мобилу еще не собрал, — ответил тот.

— Позвони из автомата, — сказал Валет, не прекращая наблюдать за парнем в белой футболке.

— Не надо звонить, — раздался голос из салона, — он уже подъезжает.

И действительно, к крыльцу «Олимпийского» подкатила старенькая «Ауди».

— Тебе куда, мужик? — спросил ее водитель парня в белой футболке.

— На Юго-запад, — ответил тот.

— Садись, нам почти по пути.

— Это че, — сказал парень в белой футболке, — такси че ли?

— Такси, — ответил водитель.

— А где шашечки?

— Слушай Боб, не выеживайся, тебе нужны шашечки или ехать?

— Да ты меня знаешь? — делано удивился Боб.

— Да кто же тебя не знает, — польстил ему водитель.

— А... тогда едем, — сказал Боб, влезая на место возле водителя.

Как только Боб сел в машину, она сразу тронулась с места, а за ней тут же устремилась «Жигули-шестерка». Однако на перекрестке за Главпочтамтом, «Жигули» обогнали «Ауди».

— Мы не потеряем его? — спросил один из сидящих в салоне Валета.

— Потеряем сегодня, достанем завтра...

— Цезя сказал, что нужно сегодня.

— Почему сегодня?

— Здесь все как в дрессировке, зверь сделал не то, его щелк по носу... в назиданье другим.

— Ну-ну, — Валет, — дрессировщики.

— А ты против? — с некоторой угрозой произнес кто-то в салоне.

— Да нет, — ответил Валет — раз Цезя сказал.

— Не упоминал имя Цези всеу, — ответил тот, кто только что угрожал себе-седнику, и все в салоне заржали.

А в «Ауди», который значительно отстал от «Копейки», тоже шел разговор.

— Тебе куда на Юго-западе, — спросил водитель, — к Таллину?

— Ты че, пацан, — ответил пассажир, — Таллин на Западе, а я тебе про Юго-запад базарил.

— Я дальше Таллина не поеду.

— А я тебе не заплачу.

— Твои дела, — ответил водитель и остановил машину.

Боб, какое-то время думал, что ему сделать со строптивым водителем: щелкнуть по лбу или будет достаточно, что он не оплатит проезд. Наконец, он остановился на втором варианте и стал выбираться из машины, нарочито хрипло напевая:

Уходим под воду, в нейтральной воде,
Мы можем по году, плевать на погоду...

«Ауди» рванула с места и скрылась в темноте. Вдалеке слева от Боба просматривался силуэт кинотеатра «Таллинн», справа через дорогу — капустное поле. Боб перешел дорогу и поплелся вдоль нее, продолжая хрипеть под Высоцкого.

А если накроют,
локаторы взвоят
О на-а-шей,
беде-е-е...

Неожиданно, как будто выросшие из под земли, перед ним возникли трое подростков в странной черной одежде, шерстяных спецназовских масках на головах и рифленых шнурованных ботинках. В руке у каждого арматурный прут.

Мистики утверждают, что в последние минуты жизни перед человеком открывается то, что называется истиной. Все, что произошло в последний час этого вечера, сложилось в цепь связанных друг с другом событий, Боб все понял.

И все его бойцовское нутро возмутилось этим.

— Щенки, — зарычал он, — да я вас... как Тузик грелку...

Он первым бросился на подростков. Но тут произошло то, чего он никак не ожидал. Один из подростков ловко упал ему в ноги. Боб споткнулся и оказался на четвереньках. А подростки начали бить его прутами по основанию черепа.

Все закончилось в несколько секунд. Уже после первого удара Боб захрипел, втянулся и затих.

— Хорошо, — сказал один из нападавших, — уходим.

— Уходим, — согласился тот, который падал в ноги Бобу.

Он отряхнул с колен дорожную пыль и демонстративно наступил рифленным ботинком на белую футболку Боба.

— Привет от Цези, — произнес он, и троица покинула место разборки.

* * *

На улице Янки Купалы, одна сторона которой является краем парка имени Горького, стояли уже знакомые читателю «Жигули».

Возле автомобиля, дверца которого была открыта, прохаживался Валет. Он время от времени посматривал на часы, а потом произнес:

— Пора, — и пошел прочь от машины.

А в это время Павел и Жанет спускались по лестнице, ведущей от Центрального дома офицеров к парку Горького.

— Тебя твоя мамаша не зовет жить в Париж? — спросила Жанет.

— Зовет, — ответил Павел.

— А ты?

— Мне и здесь хорошо.

— Ни хрена, хорошо, — произносит Жанет, — тебя прессуют со всех сторон.

— А, — беззаботно ответил Павел, — все рассосется, уж больно все наигранно и рассчитано на дураков... Ты так не считаешь?

Жанет пожала плечами и перевела разговор в другое русло.

— А как твоя мамаша попала туда?

— По интернету.

— Как?

— По интернету.

— А кто ее с интернетом познакомил?

— Я, кто же еще...

— А я бы тоже уехала в Париж, — сказала Жанет. — Я про Париж много читала. Я в детстве хотела, чтобы меня звали Пиаф.

— Кто звал? Подруги?

— Подруги? — передразнила его девушка, — я дружила исключительно с мальчишками.

— Точнее, командовала ими?

— Они сами хотели этого.

— И они стали звать тебя Жанет?

— Нет, они звали меня Цезарь.

- Почему Цезарь?
— Потому, что Юлия.
— Да я не про то, почему как мужчину?
Жанет пропустила вопрос мимо ушей и продолжила.
— Я даже пиццу училась готовить...
— Пицца это блюдо итальянцев, — сказал Павел.
— В Париже ее тоже едят, — безапелляционно произнесла Жанет.
— Наверное, — ответил Павел, пытаясь найти компромисс.
— Увидеть Париж... — мечтательно произнесла Жанет.
— И умереть?
— Почему умереть? — настороженно спросила девушка.
— Роман такой есть детективный, — ответил Павел.
— А...
— А ты что подумала?
— Да так, ничего.

Неожиданно перед ними возникла фигура долговязого пьяного парня. Он, не обращая внимания на Павла, раскинув руки, загородил дорогу Жанет. Жанет остановилась перед ним, быстро и технично, будто всю жизнь занималась этим, ударила парня ногой в пах, а потом нанесла боковой удар в челюсть.

Все это произошло настолько стремительно, что звук от удара кулаком по челюсти еще висел в воздухе, а парень уже мешком лежал на земле.

Жанет переступила через него и, как ни в чем ни бывало, продолжила путь.

— Ему надо помочь, — сказал Павел, оглядываясь на лежащего на асфальте парня.

— Обойдется, — зло произнесла Жанет, — он сам хотел этого.

Молодые люди спустились к парку, а затем свернули направо и поравнялись с автомобилем, от которого только что отошел Валет.

— Пахнет больницей, — сказал Павел.

— С чего бы это? — произнесла Жанет.

— Паренек, — спросил кто-то из темноты, — не подскажешь, который час?

Павел посмотрел на часы. В это время кто-то сзади зажал ему рот полотенцем с хлороформом.

* * *

Съемки фильма с рабочим названием «На рубеже девяностых» проходили на острове Любви неподалеку от санатория «Юность» в окрестностях Минска. Двенадцатиэтажный корпус санатория был виден издали, и операторам приходилось изворачиваться, чтобы он не попадал в кадр, поскольку экраным местом действия фильма была Россия, а снимался он для удешевления сметы на белорусской площадке, точнее на площадке «Беларусьфильма».

Ирина Скринкина играла в фильме роль матери главной героини, взбалмошной девицы по прозвищу Саке. Почему девица имела такое прозвище из той части сценария, которую читала Ирина, было непонятно. Впрочем, и самого сценария с точки зрения классического образца не было. Был какой-то набросок, который группа молодых сценаристов-рабов переделывала под идеи, возникавшие у главного режиссера.

Согласно уже отснятому материалу девица по прозвищу Саке постоянно попадала в какие-то неприятные истории, но судьба благоволила ей и она выбралась из них без больших потерь. Зато ее мать постоянно находилась на грани нервного срыва, поскольку переживала за свою беспутную дочь.

Вот и сейчас она сидела в кресле в садике своей дачи, умело выгороженном художниками возле каких-то кустов, и ждала звонка припозднившейся дочери. Рядом с креслом стоял белый пластмассовый столик, на котором располагался телефонный аппарат, не то стилизованный под старину, не то действительно настолько старый, что мог бы быть реквизитом в клипе о прекрасной маркизе, у которой «Все хорошо, все хорошо».

В трех метрах от столика была камера, вокруг нее хлопотал оператор и стоял режиссер фильма, которого все за глаза звали Светиком, поскольку он был молод и имел имя Святослав.

Светик не имел кинематографического образования, но очень хотел снять «забойное» кино. Впрочем, имея папу российского олигарха, снять кино было делом не трудным. Вот только будет ли оно «забойным».

Дубль за дублем повторялась попытка под названием: что-то не так.

После каждого дубля Ирине хотелось взорваться и сказать:

— А что же не так? В конце концов, я всего лишь актриса, а вы режиссер. Дайте мне подсказку, что бы вы хотели видеть в кадре или наоборот, чего бы не хотели видеть.

Но все в жизни приходит к концу. Закончились и съемки этого эпизода.

И тут Светик, сама мягкость, хоть к ране прикладывай, предложил:

— Ирина Васильевна, чувствуется, что вас что-то беспокоит?

— Вы хороший психолог, — польстила ему Ирина, — подруга звонила вчера из Парижа, просила поговорить с ее сыном.

— Возьмите мою машину, — ответил на это режиссер, — а потом отдохните в гостинице, завтра у вас ответственные эпизоды.

Водитель машины был минчанин, мало того — он уже много лет работал на киностудии и знал в лицо и по имени многих российских актеров.

— Прошу, Ирина Васильевна, — сказал он распахивая дверцу машины, — вам куда?

— Проспект Шевченко, — ответила Ирина.

— Бульвар, — поправил водитель, — домчу как на кочерге.

* * *

Виктор Ходкевич — следователь городского управления внутренних дел, осматривал место происшествия. Впрочем, осматривал он его ни шатко ни валко, понимая, что перед ним чистое убийство, и дело придется передавать в прокуратуру.

В свое время Ходкевич окончил юрфак БГУ, попал по распределению в милицию, но прижился там только наполовину, как специалист был ценен, но своим среди следователей так и не стал. И, наверное, в качестве компенсации этого, он имел множество друзей в оперативных подразделениях, которые часто выручали его в ситуациях почти безвыходных.

Вот и сейчас рядом с ним был Валерий Толстуха — оперуполномоченный угрозыска, малый быстрый, пронырливый, со стальным взглядом настоящего опера, который видит не два, а на все три метра под землей, а уж сидящих перед ним подозреваемых может просвечивать насквозь без рентгеновского аппарата.

Ходкевич только что сделал снимки трупа парня в белой футболке и ждал возвращения Толстухи, который ходил кругами возле места происшествия, осуществляя осмотр по принципу от центра к периферии.

Наконец Толстуха закончил «круговые» движения и вернулся к Ходкевичу.

— Слушай, а ты знаешь, почему на тебе все ездят? — сказал он.

— Очень хочу узнать, — не без иронии ответил Ходкевич.

— Потому, что ты все можешь. Вот сейчас согласился ехать без эксперта, почему?

— Потому что он здесь не нужен, — ответил Ходкевич.

— А где он может быть нужен?

— На происшествии более сложном, — ответил Ходкевич.

— А ты мыслишь сразу за начальника следотдела.

— Я мыслю как государственный, а не как местечковый дознаватель, — ответил Ходкевич.

— Ну-ну, — ответил опер, — продолжай мыслить. Но только скажи, кто будет делать слепки следов?

— Я, — ответил следователь. — У меня следственный портфель, где есть все необходимое.

— И гипс у тебя там есть?

— А как же. И даже плоска, в которой все это нужно размешать. Вот только палочки нет. Но это не беда.

— Почему не беда?

— Потому что со мной на осмотре места происшествия опер Толстуха, который добудет мне эту палочку.

— Ловко, — ответил Толстуха, но тут же нашелся.

Он пошел к дороге, остановил несколько автомобилей и вернулся обратно с большой дранкой в руках.

— На твое счастье водила вез стройматериал на дачу, — сказал он и протянул Ходкевичу дранку.

Ходкевич стал размешивать гипс в плоске, а опер принялся расхаживать вокруг трупа.

— На след не наступи, — проворчал Ходкевич,

— Учи ученого, — ответил ему Толстуха, — но ходить вокруг трупа перестал и вернулся к следователю.

— Ученый, криминалистику сдавал? — спросил его следователь.

— Учил, — ответил тот.

— Какой консистенции должен быть гипс пред заливкой в след.

— Консистенция густой сметаны, — ответил Толстуха.

— Кто у тебя принимал экзамен?

— Порубов.

— Нужно подсказать ему, что он зря тебе поставил положительную оценку.

— А что, неужели жидкой? — с каким-то испугом произнес опер.

— Все зависит от того, какова среда, в которую необходимо залить состав.

Залив след разведенным гипсом, оба встали и, ожидая, когда гипс застынет, закурили.

В это время приехала труповозка. Санитары после недолгого разговора с Ходкевичем погрузили труп парня в белой футболке и уехали.

Стоящие в стороне и выполняющие роль понятых, два рабочих из продмага облегченно вздохнули. За все время осмотра ни один из них не решился посмотреть на труп.

Выкурили еще по одной сигарете, и следователь вывернул слепок из земли и стал рассматривать на свет.

— Ну что? — спросил опер.

— Тот же самый, — ответил следователь.

— И отпечаток, и почерк?

— Да, это опять банда Цези.

* * *

Подвал частной дачи. В углу тускло горела маленькая лампочка. Посередине подвала находились два больших стула с высокими спинками. К одному из них веревкой привязан Павел. Рот его заклеен скотчем. Павел только что очнулся после наркоза. Он тряс головой, пытаясь взбодриться и прийти в себя.

В это время дверь подвала открылась, вошел мужчина с шерстяной маской на лице.

Некоторое время он смотрел на Павла, затем сделал снимок фотоаппаратом, отодрал со рта Павла скотч и сел на стул напротив.

— Привет, герой, — произнес он.

— Почему герой? — спросил Павел.

— Хорошо держишься, — ответил мужчина.

— Это лесть, чтобы расслабить меня? — спросил Павел.

— Тебе не нужно расслабляться, — сказал мужчина, — тебе нужно собраться.

— Хорошо, — сказал Павел, — я соберусь. Где Жанет?

— Не спеши путник, — сказал мужчина, — а то ботинки порвутся, дойдем и до Жанет. Но сначала познакомимся, меня зовут, ну скажем, Виктор Петрович.

— А меня — Павел.

— Прекрасно, я пришел поговорить с тобой. Через минуту я тебя развяжу. Но это будет через минуту. А сейчас я удовлетворю твое любопытство, с твоей подружкой все в порядке.

Мужчина бросил на пол письмо.

— Потом прочитаешь...

После этого мужчина развязал Павла.

— Что вам нужно? — спросил его Павел, — когда веревки не только упали на пол, но и были отброшены мужчиной в угол подвала.

— Не все сразу, — ответил мужчина, все эти проблемы мы решим с тобой после заключения некоего соглашения.

— Какого соглашения?

— Взаимовыгодного, от которого все будут в выигрыше, а в особенности ты...

— Я ничего не буду делать...

— Совершенно верно... Ты ничего не будешь делать... А я — почти ничего, только позвоню Кривому, которому ты задолжал две косых зелеными, и подскажу, где тебя найти... Звонить?

— Звони...те...

— Или еще один вариант: сообщу, где находится твоя подружка.

— Звонить?

— Нет...

— Вот это правильно... А теперь к делу и короче...

— Мы сегодня же звоним твоей мамаше в Париж и сообщаем, что ты попал в скверную ситуацию. Она приезжает сюда и выручает тебя, ну скажем, за десяток тысяч зеленых...

— У нее нет таких денег.

— Это ее проблемы. Точнее ее мужа миллионера.

— Он не миллионер.

— Это тоже не так важно. Мы не будем обсуждать этот факт. Грешно считать деньги в чужих карманах. Мы просто получаем их, отстегиваем тебе две тысячи — долг Кривому и отпускаем тебя... Но до этого ты все время проведешь здесь. Гальюн за углом, пожрать тебе будут давать пару раз в день... разносолов не обещаю, но с голоду не умрешь...

— И это все?

— Разумеется. Будешь хорошо себя вести, подбросим литературы, чтоб было не скучно. Детективчиков с десятков. Почитаешь что-нибудь о киднеппинге.

— А где Жанет?

— Она в другом месте...

— Пусть она будет здесь.

— Э, нет, Жанет у нас что-то вроде дополнительного якоря. Будешь кочевряжиться, мы тебя кормить не будем, ну, а начнешь вола крутить... в общем ей будет плохо. Идет?

— Идет.

— Вот и ладненько, а сейчас возьми ручку и черкни несколько слов матери...

* * *

Париж. Набережная Брайнли. Квартира Елены Потаповой. Елена собирает сумку в дорогу. Короткие звонки телефона. Елена некоторое время стоит в оцепенении, затем снимает трубку аппарата.

— Але, это Елена Потапова?

— Да, а вы... из милиции?

— Да, нет, что вы. Мы такие же люди, как и вы.

— Тогда, кто вы?

— Это из Минска, говорят друзья вашего сына, — произнес голос в трубке.

— Кто вы?

— Я же сказал, я друг вашего сына.

— Что с ним?

— Не волнуйтесь, с ним все в порядке, он жив и здоров. Попал в неприятную историю, но ему еще можно помочь. Срочно выезжайте в Минск.

— Что с Павлом?

— Я же сказал, он жив и здоров и ждет вашего приезда, во всяком случае, пока.

— Что значит, пока?

— Все течет, все изменяется, сегодня он ждет, а завтра пошлет вас подальше, если вы не проявите некую оперативность.

— Как я его найду?

— Мы сами вас найдем.

— Куда мне позвонить?

— Остановитесь у него в квартире, и с восемнадцати до двадцати каждый день ждите моего звонка.

— А...

В трубке раздались короткие гудки. Елена положила трубку на рычаг и без сил опустила в кресло. Однако скоро вскочила и стала звонить мужу.

* * *

Та же натурная площадка на острове Любви возле санатория «Юность».

Группа готовится к съемкам эпизода, в котором Саке попадает в очередную неприятную историю. Свободные от съемок актеры стоят в стороне. Среди них — Ирина Скринкина и водитель машины режиссера.

— Небольшая репетиция, — кричит в мегафон режиссер, — начали.

Молодая актриса, играющая роль Саке, сходит с платформы понтонного моста на землю.

Двое парней загораживают дорогу Саке. Убежать девушке не удается.

- Помогите, — кричит она.
- Стоп, — произносит в мегафон режиссер, — что это за крик о помощи?
- Святослав Юрьевич, — ответила актриса, — я все это вытяну на озвучке.
- Ладно, пусть будет так. Еще одна репетиция. Героиня пошла... хулиганы пошли...
- Все повторяется. Девушка зовет на помощь.
- В кадре появляется третий парень. Между хулиганами и им завязывается драка.
- Стоп, — говорит режиссер, — герой, в конце мизансцены не поворачивайся спиной к камере. Первый хулиган... более агрессивно... — Обращается к оператору:
- Его возьмем крупняком.
- Крупняком лучше взять второго хулигана, — отвечает оператор.
- Почему?
- У него лицо специфичное, оно о многом без слов говорит.
- Хорошо, — соглашается режиссер, — первый дубль.
- Откуда каскадеры? — спросила Ирина водителя режиссерской машины.
- Выписные... из Прибалтики.
- Когда-то в Минске была своя группа актеров-каскадеров, — сказала Ирина, — с ними Елена Потапова на одном курсе во ВГИКе училась.
- Когда-то у нас все было, — неопределенно ответил водитель.
- Где они сейчас?
- Кто где, — усмехнувшись, ответил водитель. — Борода занимается авто-сервисом, Влад — ушел в цирк, Юрась вообще стал вольным художником...
- Художником? — удивилась Ирина.
- Ну да, — ответил водитель, — вольным.
- И щелкнул себя средним пальцем по кадыку.
- Разговоры на площадке, — прервал их диалог режиссер и обратился к оператору, — у нас второй хулиган вываливается из кадра после падения?
- Нет, — ответил оператор, — глядя в видискатель, там все в порядке.
- Тогда снимаем. Дубль два.

* * *

Мастерская по ремонту автомобилей в боксе бывшей воинской части в поселке Степянка.

Из конторки выходит Борода. На нем клетчатая рубашка с закатанными рукавами. Поверх нее надет комбинезон из джинсовой ткани. Он подходит к черному БМВ, поднимает капот и проверяет уровень масла.

Из двери той же конторки появляется собственник автосервиса Борис.

— Хозяин сказал, что он только что залил масло, — произнес он, видя, манипуляции Бороды.

— В шестидесятые годы на экраны страны, — сказал Борода, — вышел фильм «Тишина». В нем был такой эпизод. Проходит партийное собрание, и один из героев обвиняет другого в трусости на фронте, хотя все, о чем он говорил, на самом деле было наоборот.

— Ну да, — согласился Борис, — это же понятно, язык нам дан, чтобы лгать.

— И все присутствующие согласны с обвинителем, потому что он аргументирует свои слова. Все, кроме одного. И вот этот один вдруг заявляет:

— Я не верю тихоням с плечами боксеров.

— А при чем тут наш БМВ?

— Ну, во-первых, он не наш, а клиента, а во-вторых, я не верю хозяевам БМВ, даже если они говорят, что только что залили в систему масло.

- Почему, они не заинтересованы в хорошем состоянии двигателя?
- Нет, здесь все как с боксерскими плечами. Я еще ни разу не видел, чтобы крутые выбрали себе «Вольво» или «Фольксваген», это, как правило, спортивные машины, тяжелые джипы и, конечно, БМВ.
- Все ясно, ты уже составил перечень неисправностей?
- Да.
- И там нет замены свечей?
- Да здесь не в свечах дело, — ответил Борода.
- А ты все равно поменяй. Раз владельцу кто-то втемяшил, что виноваты свечи, значит причина именно в них, а уж потом во всем остальном... И так должно быть всегда, иначе мы потеряем клиента... Клиент всегда прав, так?
- Так, тем более, что стоимость свечей оплачивает тот же клиент.
- Вот видишь, ты постепенно осваиваешь азы автобизнеса.
- А как насчет финского воздуха в колеса, у нас его только что завезли контрабандой из Одессы?
- Если клиент закажет, накачаем ему и финского воздуха.

* * *

Цирк. Идет представление. Высоко под куполом работает воздушный акробат. Вот он спускается вниз, и становится видно, что это парень лет двадцати. Он раскланивается и убегает с арены. Но затем снова возвращается на поклон, неловко зацепив ногой опилки. Когда парень вновь убегает с арены, появляется униформист с метлой в руках. Он ловко сметает опилки с ковра и уходит в проход.

Пока арена готовится к следующему номеру, на ней появляются два клоуна и начинают дурачиться, заполняя перерыв.

Один из них, явно пожилой, подходит ко второму, молодому, и показывает ему на лысого мужчину, сидящего в первом ряду зрителей.

Молодой клоун согласно кивает головой и бросается к мужчине. Он вытаскивает из-за пазухи огромную расческу и протягивает ее своей жертве.

— Возьмите, это приз от руководства цирка самому волосатому посетителю.

Мужчина отнекивается.

— Возьмите, возьмите, — говорит клоун, — это приз, он дается бесплатно, то есть даром.

Публика хохочет.

— Да берите же, — говорит клоун.

И тут происходит то, чего клоун никак не ожидал. Мужчина выхватывает у него из рук расческу и сует ее во внутренний карман пиджака.

Теперь наступает очередь растеряться молодому клоуну.

— Отдай... те расческу, — говорит он.

— Ты же сказал, что это приз, — искренне говорит зритель, — не отдам.

На помощь молодому клоуну спешит клоун пожилой, но он так неловко цепляет одной ногой за другую, что падает, ударившись головой о край барьера, отделяющего арену от зрителей.

Вздых ужаса раздается в цирке, молодой, воспользовавшись замешательством, выхватывает у зрителя расческу и бросается убежать, но тоже неловко падает.

— Влад, — раздался мужской голос, обращенный к униформисту, — тебя распорядитель ищет.

— Иду, — ответил униформист и пошел внутрь огромного брюха цирка, где стояли клетки с тиграми. К одной из них была прислонена длинная лестница, на вершине которой находился электрик, меняющий сгоревшую лампочку.

«Нашел время, — подумал Влад, — такие вещи никогда по цирковым правилам не делаются во время представления».

И только он подумал об этом, как один из тигров вдруг бросился на прутья клетки. От толчка лестница начала падать, а электрик успел ухватиться за висящий канат. Но это только усугубило дело. Лестница, став гораздо легче, стремительно падала на одного из служителей, который к тому же стоял спиной и не видел опасности. Влад одним прыжком оказался рядом с ним, оттолкнул его, но, поскользнувшись, упал на пол. И когда уже казалось, что гибель его неизбежна, ловко перекатился в сторону. Лестница упала на то место, где он только что находился.

* * *

У магазина в ожидании, когда собутыльник принесет выпить, стоял третий бывший каскадер Юрась.

Собутыльник, наконец, появился и почему-то потащил Юрася в сквер, что находился рядом с магазином.

Там он заговорщицки оглянулся, вытащил руку из кармана, в которой было несколько смятых «зайчиков».

— Ну и че? — спросил его Юрась.

— Дык это... не хватило.

— Как не хватило, вчера хватало...

— Дык это... инфляция.

Молодой парень шел мимо них. Видя «соображающих» мужиков, обошел их стороной. Но остановился, узнав Юрася.

— Вы Юрась? — произнес он.

— Ну... — не слишком любезно ответил каскадер

— Вы снимались в...

— Ну...

Молодой человек смотрел на Юрася, словно сомневаясь, что это он.

— Он, он, — затараторил собутыльник, раньше Юрася понимая, что с этого гуся-поклонника можно слупить несколько десятков рублей... — Где он только не снимался... Слушай, мужик, он тебе автограф, а ты это, нам ... у нас совсем немного на бутылку не хватает.

— Нет проблем, — ответил парень и вытащил кошелек.

— Все, кина не будет, — произнес Юрась, осмыслив ситуацию, — я за бутылку автографы не даю.

— Ты че, Юрась, — бросился к нему собутыльник, — он со всей душой, а ты его обидеть хочешь. Да и не за бутылку, за деньги...

Неожиданно для всех из-за кустов появляется еще один мужик в сильном подпитии.

— Че выеживаешься, — деловито говорит он Юрасю, — дай парню автограф, будет на что похмелиться.

— Пошел ты, — отвечает Юрась и пытается уйти.

Но мужик настроен серьезно. Он заслоняет путь бывшему каскадеру. Однако просчитался. Юрась ударил его подъемом стопы под колено, «сложил» на землю и продолжил свой путь.

— Да ты не обращай на него внимания, — суетился вокруг парня собутыльник, — ты деньги мне дай, а я его не обижу, все будет... как у корешей...

Парень дает собутыльнику деньги. Тот бросается к магазину.

* * *

Салон самолета. В одном из кресел сидит Елена.

Рядом средних лет мужчина, пытающийся заговорить с ней по-французски.

Елена, занятая своими мыслями, не отвечает.

— Мадам ничего не желает, — спросила стюардесса, толкая впереди себя тележку с напитками.

— Нет, — ответила Елена по-русски.

— Дак ты русская, — произнес мужчина, — бери, все это входит в стоимость билета. Я, когда первый раз летел, не знал этого. Ты первый раз летишь?

— Второй, — ответила Елена.

— А... — разочарованно произнес сосед по креслу и обратился к стюардессе, — а мне виски и пепси.

Пока сосед манипулировал с напитками, смешивая их в разных пропорциях, повторяя время от времени, что все это вставляет не хуже экстэзи, Елена закрыла глаза и предалась мыслям о том, как она будет выручать Павла.

«Может быть, сразу поехать в милицию?»

Но она и до отъезда в Париж плохо ориентировалась в иерархии государственных органов и не могла отличить милицию от суда, а суд от прокуратуры. Что было говорить о сегодняшнем времени. Ведь она уехала в Париж в девяносто втором, в момент разрухи и утраты всех ориентиров.

— А в Париже ты была по туру? — спросил ее сосед, расправившись, наконец, с напитками.

— Я там живу.

— И давно?

— Давно.

— Тогда тебе нужно пройти курс адаптации к нашей действительности.

— Обойдусь, — ответила Елена так, чтобы у собеседника пропало желание продолжать разговор.

Но собеседник даже не почувствовал этого.

— Не обойдешься, — сказал он, — ты даже представить себе не можешь, что произошло здесь, после распада СССР. Это другая страна. Точнее другие страны. Здесь другие люди и другие отношения между ними.

— Но рождаются они также как и в советское время? — зло спросила Елена.

— Рождаются также, — заржал мужчина, — но это единственное, что осталось прежним.

* * *

В аэропорту Елена взяла такси и поехала в город. На бульваре Шевченко она попросила остановиться и до нужного дома пошла пешком, хотя с тяжелой сумкой это было неудобно.

«А вдруг действительно мне нужна адаптация к жизни в Минске?»

Елена внимательно смотрела на встречных прохожих, не столько оценивая их, сколько наблюдая за реакцией на себя.

Но прохожие были заняты своими делами, своими мыслями и не обращали на Елену внимания. Это ее успокоило.

Она поднялась на третий этаж и позвонила в квартиру, в надежде, что сын окажется дома, а все предыдущее было лишь дурацкой шуткой.

Но на звонок никто не ответил. Тогда Елена позвонила в квартиру напротив.

Дверь открыла баба Валя, впрочем, бабой ее звал Павел, а для Елены она была тетей Валей.

Тетя Валя, увидев Елену, всплеснула руками и стала плакать, заплакала и Елена.

— А я теперь каждый день квартиру открываю, — говорила она причитая, цветы поливаю, и все жду, может объявится... ты надолго? Давай я тебя покормлю...

Отказавшись от завтрака, Елена взяла ключи и открыла дверь в квартире Павла. Впрочем, это была ее квартира, в которой она оставила сына три года назад, уехав в Париж.

В квартире было чисто, видимо, тетя Валя кроме поливки цветов сделала уборку.

Елена переоделась, перекусила йогуртом и стала ждать звонка.

В самом начале назначенного времени телефон зазвонил.

Елена сняла трубку.

— Как долетели? — спросил мужской голос.

— У вас уже не принято здороваться?

— Принято, принято, — пошел на попятную голос.

— Где мой сын?

— Я же сказал, что он в безопасности. Впрочем, вы сами можете убедиться в этом.

— Как?

— Спуститесь к почтовому ящику, возьмите послание от него. А потом мы продолжим наш разговор.

Елена спустилась на первый этаж, открыла почтовый ящик, там действительно лежал конверт. Она взяла его и поднялась на третий этаж в свою квартиру.

Елена еще не дочитала письмо до конца, как вновь зазвонил телефон.

— Как видите, мы держим свое слово, — сообщил ей тот же голос. — Что вы решили?

— У меня нет таких денег.

— Сейчас у вас их действительно нет, но их нужно достать. Я думаю, сутки-другие вам хватит, чтобы что-то придумать, связаться с вашим мужем...

— У мужа тоже нет таких денег.

— Елена, не знаю как вас по батюшке, этого не может быть, для иностранца это небольшая сумма...

— Это не так, просто у вас сложился миф о том, что все иностранцы либо миллионеры, либо безработные, на самом же деле...

— Ну, ну, не надо так горячиться. Вспомните шпионский фильм «Семнадцать мгновений весны». Там одна очаровательная блондинка по имени Барбара говорит радистке Кэт: «У вашего шефа нет запасного передатчика». Так вот я говорю вам, что у вашего мужа... Короче ваш муж достаточно состоятельный человек, чтобы помочь вам выручить из беды вашего сына.

— Хорошо, я попытаюсь что-нибудь предпринять.

— Попробуйте, но все о чем мы говорили, должно остаться между нами... Я думаю, это-то вы хоть понимаете?

— А-а, так вы не всемогущи, вы боитесь...

— Елена, мне нечего бояться, бояться нужно вам и вашему сыну. Понятно?

— Да.

— Вот и отлично, я позвоню вам завтра в это же время.

* * *

Минск. Кабинет следователя Ходкевича.

Ходкевич только что закончил говорить по телефону, как вдруг раздался осторожный стук в дверь. Стук был очень робкий, так никогда не стучит человек,

вызванный к следователю повесткой, так мог стучать только человек, который сомневается в правильности принятого им решения пойти к следователю.

Ходкевич поморщился, из этого следовало, что сейчас в кабинет войдет тот, кого он не планировал принимать. А значит, он потеряет время на пустые разговоры или не нужные консультации.

— Входите, входите, — произнес Ходкевич и замер на полуслове, потому что в кабинет к нему вошла Елена Потапова...

— Здравствуйте, — произнесла Елена, — меня послали к вам.

— Очень хорошо, что послали, — нашелся Ходкевич

— Я вчера прилетела из Франции... — продолжала Елена.

— Позвольте ваши документы, — сказал следователь.

Елена протянула ему паспорт.

— Боже мой, — сказал Ходкевич, — а я думаю, почему мне кажется, что где-то уже видел вас. Вы играли в «Черном аисте», «Звезде Полынь», а потом неожиданно куда-то исчезли. Так?

— Так. Но я хочу...

— Кстати, как вы оказались в Париже? Вас перестали снимать, и вы получили статус преследуемой режимом?

— Нет, — едва сдерживаясь, ответила Елена. — Электронная сваха нашла мне там мужа.

— Везет же людям, — произнес следователь... — Моя жена всю жизнь мечтала побывать в Париже...

— Я тоже, — сказала Елена, — и как видите, мое желание сбылось. Возможно, оно сбудется и у вашей жены. Но мы сейчас в Минске, и я хочу заявить о том, что у меня пропал сын, и меня шантажируют...

— Хорошо, — сказал следователь, продолжая изучать паспорт Елены, — а вы гражданка Беларуси?

— Да, но какое это имеет значение?

— Да, действительно, никакого...

— Вот видите...

— Так кто же вас шантажирует?

— Мне трудно сказать, но какой-то мужчина позвонил мне в Париж и сказал, что с Павлом случилась беда.

— Откуда он знает ваш телефон?

— Не знаю, наверное, они выбили его у Павла...

— Выбили... Я бы на вашем месте не делал столь скоропалительных заявлений.

— Но мне кажется, что это действительно так, — произнесла Елена, заметно волнуясь.

* * *

Дверь, которая вела из подвала наверх дома, оказалась не столь основательной, как это показалось Павлу вначале. И он стал время от времени колотить в нее каблуками тупфеля.

Однако прошел час, второй, но никто не отзывался. В конце концов, Павел устал и присел на один из стульев. И тут послышались шаги, дверь отворилась, и появился мужик в шерстяной маске.

— В чем дело? — спросил он Павла.

— Я хочу видеть Жанет.

— Мне бы твои заботы...

— Я хочу видеть Жанет!

- Почему ты хочешь видеть Жанет?
— Мне кажется, что с ней плохо обращаются.
— Тебе, как и мамочке приснился страшный сон?
— Это не имеет значения...
— Это как раз и имеет значение. Мы с тобой договорились о том, что ты ведешь себя прилично. Так?
— Я с вами не договаривался.
— Ты че, парень, или мы начнем базар с тобой сначала. Ты сам хочешь подставить свою подружку. Так, пожалуйста, я только свистну, и желающих найдется целый взвод. Или ты этого не понял?
— Я хочу видеть Жанет.
— Слушай, а почему ты не уехал к мамаше в Париж?
— Я не хочу жить в Париже.
— А где ты хочешь жить?
— В Минске.
— Впервые вижу идиота, которому предлагают Париж, а он предпочитает Минск.
— Я хочу видеть Жанет.
— Слушай, чтобы у тебя не сложилось впечатление, что ты тут мной командуешь, я тебе помогу последний раз.
— Я хочу видеть Жанет.
— Хорошо, — ответил мужик, — схожу за мобильником.

* * *

- Кабинет следователя.
— Ну что ж, — сказал Елене Ходкевич, — пусть будет так.
И протянул ей лист бумаги.
— Пожалуйста, собственноручно, обо всем, что вы мне рассказали.
Елена взяла бумагу и начала писать. Следователь стал ходить рядом, время от времени заглядывая ей через плечо и удовлетворенно хмыкая.
— Так, — сказал он, когда Елена закончила, — укажите примерный возраст звонившего.
— Я его не видела.
— А зачем вам его видеть. Пусть вам это подскажет женская интуиция. Хотя...
— Что хотя?
— Не будем продолжать. Я думаю, через день другой вы сами мне это скажите.
— Что я могу сказать вам, кроме того, что сказала?
— Ну, наверное, что-то еще, — немного стусевавшись, сказал следователь.
Он взял лист из рук Елены, и попросил расписаться под текстом.
— Вы найдете похитителей?
— Мы будем искать, но в моей практике такие дела никогда не заканчивались поимкой похитителей.
— Почему?
— Как правило, в течение нескольких дней выяснялось, что все это либо шутка, либо похищенный находился сам, либо...
— Что «либо»?
— ... Либо заявитель отказывается от своего заявления.
— Почему?
— Мне, как вы говорите, трудно объяснить мотивы поведения заявителей...

— Я не возьму своего заявления назад, не надейтесь.
— Дай-то бог, Елена... Как вас по батюшке? — следователь заглянул в заявление, — Леонидовна.

* * *

Снова за дверью подвала послышались шаги, поворот ключа, и в подвале вновь оказался мужик в шерстяной маске. В руках он держал большой мобильный телефон.

— Почему так долго? — подозрительно спросил Павел.

— А ты что, стал уже моим боссом? Не много ли послаблений, юноша?

— Почему так долго? — упрямо повторил Павел.

— Питание село, — уклончиво ответил мужик и протянул трубку Павлу так, что у того сложилось впечатление: похититель только что получил некие инструкции, как себя вести с Павлом в дальнейшем.

— Жанет, — сказал Павел в трубку, — с тобой хорошо обращаются?

— Да.

— Ты где?

— Вопрос снимается, — произнес мужик и потянулся к Павлу, чтобы забрать трубку.

Но Павел увернулся и продолжил разговор.

— Почему ты молчишь? — спросил он Жанет.

— Со мной все в порядке, со мной хорошо обращаются...

В трубке слышатся гудки. Мужик забрал у Павла трубку:

— Как ты мог слышать, с ней все в порядке, — сказал он.

— Как вас зовут? — спросил вдруг Павел, надеясь зацепить мужика и вывести информацию о месте пребывания Жанет.

— У тебя плохо с памятью? — спросил мужик. — Я ведь тебе говорил, что меня зовут Виктор Петрович. Но если тебе этого мало, зови меня посредником, можешь с большой буквы. Это, во-первых, а во-вторых, не пытайся запудрить мне мозги. Я все твои заморочки и хитрости за версту вижу и чую.

Посредник направился к входной двери.

— Послушайте, — спросил Павел, — что за странный у вас телефон?

— Телефон как телефон, — ответил мужик, запирая за собой дверь.

* * *

Как только Елена покинула кабинет Ходкевича, тот сразу стал набирать номер телефона своего начальника. Но начальника на месте не оказалось. Тогда Ходкевич связался с Толстухой и рассказал ему о заявительнице.

— Сходи к боссу, — отреагировал на рассказ следователя Толстуха, доложи ему все и внимательно проследи за реакцией.

— Лады, — ответил Ходкевич.

Работа не шла на ум, и Ходкевич направился к кабинету начальника.

Тот оказался на месте.

— Не мог до вас дозвониться, — сказал Ходкевич.

— Да, я отключил телефон, — ответил начальник, — не дают работать, что у тебя?

— Снова щемящая душу история с похищением, — ответил Ходкевич.

— Щемящая, говоришь? Излагай.

И следователь рассказал начальнику о посещении его Еленой Потаповой.

— И все это не бред любвеобильной мамыши, которая сначала уехала за границу, затем начала видеть кошмарные сны и теперь пытается весь свет поставить на уши? — спросил начальник, крутя в руках острозаточенный карандаш.

— Чтобы не оказаться в плену женских фантазий, я попросил написать заявление собственноручно, — сказал следователь.

— Растешь на глазах, — заметил на это начальник. — Напечатай постановление о возбуждении уголовного дела, но хода не давай. Возможно, завтра она откажется от заявления...

— Я сказал ей то же самое.

— А она?

— Она ответила: не надейтесь.

— Не надейтесь, не надейтесь... — произнес начальник, задумчиво постукивая по столу пальцами.

— Тогда я приступаю к подготовке постановления о возбуждении уголовного дела?

— Приступай, но оставь мне на часок ее заявление, а потом можешь забрать, — произнес начальник.

* * *

Елена, волнуясь, ждала телефонного звонка в квартире Павла. Часы показывали двадцать ноль-ноль, Елена смотрела на телефонный диск, как кролик в глаза удава. Прошло еще полчаса. Она совсем извелась. И тут только телефон зазвонил.

— Добрый вечер, Елена Леонидовна, — произнес уже знакомый голос, — как провели день на родной земле?

— Нормально, — ответила она чужим голосом, потому что тональность говорившего не сулила ей ничего хорошего.

— А я так не думаю, — произнес голос, — я же просил вас не сообщать о нашей беседе никому. А вы меня не послушали...

— Я не сделала ничего... — начала Елена.

— Хватит болтать, — оборвал ее голос, — сделали, сделали, и мне пришлось много усилий потратить, чтобы убедить коллег по бизнесу, не предпринимать ничего, что могло бы причинить вред Павлу.

— А что ему могло грозить? Он ведь не преступник.

— Конечно, нет. Это всего лишь мальчишка, который залез в долги и не хочет, а точнее не может их отдать. И мы в свою очередь, тоже не садисты, мы люди бизнеса. Но мне действительно пришлось много сделать... Я очень сожалею о том, что поверил вам. Сказать, что вы там, в Париже, оторвались от реалий нашей жизни, значит, ничего не сказать. Хотите маленький парижский анекдот? В Париже из окна четырнадцатого этажа выбросился русский турист.

Елена вздрогнула, но не на слово русский, а на номер этажа.

— Так вот, — продолжал голос, — допрашивают свидетельницу-француженку. А она и говорит: этот мужчина пришел ко мне в гости, как это принято у них, то есть у нас, без подарка. А я, как это принято у нас, приняла его.

«Господи, — подумала Елена, — и этот дебил считает, что это французский анекдот».

Но она никак не отреагировала на ту пошлость, которую пытался поведать ей собеседник. Она молчала, понимая, что своими действиями может причинить вред Павлу.

— Он, как это принято у них, вылакал все шампанское, а я, как это принято у нас, пошла принять ванну. В это время в дверь позвонил мой муж. Я, как это

принято у нас, подошла к двери и сказала: Жан, у меня в гостях мой друг, погуляй где-нибудь пару часов. А он, как это принято у них, выпрыгнул в окно. Как вам анекдот?

— Честно говоря, никак.

— Вот видите, никак. И это потому, что мы уже по-разному смотрим на все, что происходит. Вам понятно к чему я?

— Нет.

— О, Елена Леонидовна, какая вы непонятливая. Вы всего лишь пошли в полицейский участок, как это принято в Париже, а туда не нужно было ходить, как это принято у нас. Ясно?

— Ясно. Что я должна сделать...

— Вот это другой разговор.

— Так что вы от меня хотите?

— Пока немногого, завтра вы пойдете в милицию, и заявите, что сын нашелся. Он позвонил, скажем, из Барановичей и сообщил, что находится у друга...

— Хорошо, я сделаю это...

— Уж сделайте, пожалуйста... Да, не забудьте еще, что после совершенного, названная сумма удваивается...

— Но...

— Никаких но. За все надо платить. В том числе за собственную глупость. И не надейтесь на то, что вам кто-нибудь поможет. Тем более, лимит вольностей закончился... Хотя, о чем это я, вы же умная женщина и прекрасно понимаете, что у нас везде свои глаза и уши... В подтверждение этого, вы помните вашего соседа по креслу в салоне самолета? Ведь он вас предупреждал, что к нашим условиям нужна а-дап-та-ция. Он вам советовал как лучше, а вы ему «Обойдусь...» А как вы думаете, откуда у меня ваше отчество? То-то. Я позвоню вам завтра в это же время...

* * *

Утром следующего дня Елена была у следователя.

— Добрый день Елена Леонидовна, — сказал Ходкевич, увидев актрису в дверях своего кабинета, — что привело?

— Я прошу меня извинить, но мне хотелось бы взять свое заявление обратно.

— Почему?

— Мне кажется, что вы не справитесь с этой задачей.

— Вот как?

— И что же подвигло вас к такому выводу? Мой внешний вид или наш с вами разговор.

— Ни то, ни другое. Хотя я могу вам сказать следующее. Вообще-то, я Львовна по отчеству. Во всяком случае, все мои друзья знают это, но вчера я в волнении сказала вам, что я Леонидовна.

— Но это не существенный факт для дела.

— Для дела может быть и не существенный, а вот для меня очень даже существенный.

— Елена Леонидовна, — произнес следователь, — у нас государственное учреждение. Вчера вы сделали заявление, а сегодня собираетесь взять его обратно.

— Ну почему же. Вы сами уговаривали меня вчера забрать заявление.

— Я уговаривал?

— Вы.

— Нет, я мог вчера сказать, чтобы вы хорошо подумали, прежде чем писать заявление, но уговаривать забрать его я не мог. Это не в моих правилах.

— Хорошо, пусть будет вашему. Я забираю свое заявление.

— Елена Леонидовна, похищение людей — преступление, относящееся к так называемым делам публичного обвинения. И они не прекращаются от того, что заявитель собирается забрать свое заявление. Вам этопонятно?

— Да.

— Тогда в чем дело?

— Я хотела сказать, что мне позвонил Павел из Барановичей и сообщил, что с ним все в порядке.

— А если он позвонит завтра из тех же Барановичей и скажет, что теперь с ним не все в порядке. Вы опять напишите заявление...

— Нет, на этот раз я поняла, что действительно поторопилась...

— Хорошо, я доложу руководству.

— Большое вам спасибо.

* * *

Такси выехало за кольцевую дорогу и помчалось по шоссе в сторону санатория «Юность».

Елена села в такси на заднее сиденье. Водитель оказался парнем словоохотливым.

— Мадам любит сидеть сзади? — спросил он.

— Мадам любит сидеть сзади, — ответила Елена.

— Я где-то вас видел, — сказал водитель, — мадам не работала в технологическом?

— Мадам не работала в технологическом, — ответила Елена.

— Мадам подвезти к санаторию?

— Нет, — ответила Елена, — к острову Любви.

— А-а, — почти закричал водитель, — теперь я понял, где вас видел, вы актриса и едете на съемки.

— Да, я актриса, — сказала Елена, — но еду не на съемки.

Водитель остановил машину возле понтонного моста.

— Все, — сказал он, — дальше можно только на лодке.

Елена вышла из машины, перешла по понтонному мосту на остров и оказалась рядом со съемочной площадкой, на которой шли съемки очередного эпизода фильма.

Елена остановилась в отдалении, так чтобы не помешать работе оператора, но и слышать все, что происходит на площадке.

А на площадке, на импровизированной скамейке сидела Ирина. Камера «наезжала» на нее. Затем следовала пауза и Ирина произносила.

— Осень еще не наступила, а листья на деревьях уже желтеют...

— Стоп, — произнес режиссер, — менее драматично. Вот если бы героиня знала, что они желтеют в последний раз, тогда такая тональность имела бы смысл. Еще раз и ближе к прозе. Меньше пафоса.

— Камера, мотор...

Ирина повторила фразу.

— Снято, — констатировал режиссер.

Ирина поднялась со скамейки и направилась к Елене.

— Ты давно прилетела? — спросила она.

— Позавчера.

- Пойдем, у нас есть трейлер для отдыха... заграничных артистов.
Подруги вошли в трейлер. Елена устало опустила на стул.
- Его похитили, — сказала она.
- Ты сообщила в милицию?
- Да, но они тут же об этом узнали... У них везде свои люди. Что мне делать? Они даже знают, о чем я говорила в самолете.
- А вот это обычный психологический трюк, — произнесла Ирина, — ты же актриса и должна чувствовать фальшь утверждения «у нас везде свои глаза и уши». Они просто встречали твой самолет и «разговорили» позже твоего соседа по салону.
- Зачем им это?
- Чтобы сломать тебя психологически.
- Чем?
- Своей осведомленностью.
- Ты так считаешь?
- Да, я так считаю.
- Что же мне делать?
- Честно говоря, я не знаю, что тебе делать. Тем более, что я у вас в гостях, то есть на съемках. Слушай, а если обратиться к вашим ребятам. Они местные, может, чем и помогут.
- Где их искать? Да и смогут ли они помочь?
- Что ты меня об этом спрашиваешь? Попытка не пытка.
- Может, ты и права.
- Тогда подожди немного. Здесь работают минские светляки*. Я спрошу, каких найти.

* * *

- В кабинет следователя вошел Толстуха.
- Ну, брат, — сказал он, — докладывай обстановку.
- А че ее докладывать, — отозвался Ходкевич.
- Опять? — опередил его Толстуха.
- Опять, — сказал следователь.
- И как это случилось на этот раз?
- Тривиально, — сказал следователь, — как и все предыдущие разы. Отказалась от своего заявления.
- Это подтверждает наше предположение об утечке информации? — спросил опер.
- Совершенно верно, подтверждает, но нам ничего не дает. Главное, мы не знаем, откуда она может утекать?
- Слушай, а если нам подключиться к ее телефону.
- Основание? Она забрала заявление, шеф был вне себя от ярости. Хорошо, хоть второй экземпляр не отправили в наблюдательное производство. Шеф говорит, что накануне пенсии ему такие выверты ни к чему.
- Стоп, стоп, — сказал Толстуха, передразнивая Ходкевича, — шеф был вне себя от ярости?
- Не верю.
- Твоему шефу по барабану, что кто-то забрал назад заявление. И очень странно, что он проявляет такую эмоциональность.
- Ты намекаешь...

* Светляками на киностудии называли осветителей.

- Я высказываю версию...
- Версия принимается.
- Хорошо, принимается, а дальше что. Я-то тебе зачем понадобился? Чего ты хочешь?
- Знать откуда идет утечка.
- А вдруг она действительно нашла похищенного?
- Нет, это невозможно. Все эти похищения осуществляются по очень простой, если не сказать примитивной, схеме. К нам приходит заявитель и приносит бумагу о похищении родственника. На следующий день он забирает это заявление. Значит, кто-то либо следит за заявителями, либо утечка информации происходит...
- Правильно, происходит отсюда.
- Следовательно, есть два способа подтвердить это. Установить за Потаповой наблюдение, разумеется неофициально. Или в нашей конторе вычислить того, кто мог информировать похитителей.
- Возьмись за свою контору, — сказал опер, — а я... понаблюдаю за французкой. Правда, плотности не гарантирую. У меня работы полон рот. Да и наблюдение без санкции ...

* * *

- Все хорошо, — сказала Ирина, возвращаясь в вагончик. — Вот тебе номер Саши Бороды. Он сейчас в автобизнесе трудится.
- А если телефон устарел?
- Тогда спроси Влада или Бороду в летнем кафе у Немиги... Или, того лучше, смотайся в мастерскую, что находится в какой-то Степянке..
- А я как на грех такси отпустила.
- Ничего я попрошу директора, он по старой памяти поможет.
- Водитель знал Минск и домчал Елену к мастерской, где работал Борода, менее чем за сорок минут.
- Елена вышла из машины и тут же увидела бывшего каскадера, который был в комбинезоне и колдовал, склонившись над мотором какой-то иномарки. Ей показалось, что он играет очередную роль в кино.
- Здесь работает звезда советского кинематографа Саша Борода?— спросила она, подойдя к машине.
- Ленка, — ответил Борода, — ты чего это к нам из-за моря? На съемки что ли?
- Почти, — сказала Елена, и на глаза ее навернулись слезы.
- Нам надо конфиденциально поговорить? — видя это, спросил Борода.
- Да, Саша, — всхлипывая, ответила Елена, — ты всегда был проницателен.
- Садись в машину...
- Борода наскоро вытер руки и сел в старый «Вольво», краем глаза заметив, что Елена «на хвосте» привела к мастерской опера, который сидел в машине Ходкевича и наблюдал за контактом Елены и Бороды.
- Понимая, что попал под колпак, он сказал Елене.
- Не пугайся, мы сейчас поедem и поговорим по дороге. Так будет правильней.
- Ты полагаешь, что они могут...
- Я попытаюсь проверить, нет ли за тобой хвоста...
- Борода завел двигатель и медленно выехал с площадки мастерской.
- Ты совершенно права, — сказал Борода, когда они выбрались на проспект, — на милицию надежды нет. Но в городе есть крутые ребята, которые могут тебе помочь.

— Бандиты?

— Да, но я думаю не грешно использовать одних бандитов против других. Я сегодня свяжусь кое с кем, выясню, возьмутся ли они за это дело.

— Они потребуют за это деньги?

— Разумеется... Но это будет гораздо меньше, чем требуют с тебя похитители. Тут дело принципа. Кто-то занимается на их территории. И, следовательно, подвергает их опасности. Понятно?

— Не очень.

— Да зачем тебе все это понимать... Жди моего звонка вечером.

— Но мне должны позвонить до восьми.

— Значит, я позвоню раньше. Ты говорила, что у Павла была подружка?

— Да, ее зовут Жанет, но вообще-то она Юлия. Ты подозреваешь ее?

— Нет, но шерше ля фам...

Высадив Елену, Борода сделал крутой разворот и еще раз убедился, что за ним следует тот же автомобиль, который он заметил рядом с мастерской. Неожиданно для преследователя Борода свернул к узкому проезду, перегороженному огромным бетонным блоком. На глазах изумленного опера машина Бороды, качнувшись, вдруг начала двигаться на двух колесах и миновала проезд. Опер остановился перед преградой. Чертыхаясь, он пытался развернуть машину, однако мотор начал чихать, а потом и совсем заглох. Опер, ругаясь, вышел из машины и поднял капот.

А Борода тем временем доехал до улицы Янки Купалы, поставил машину на стоянку и вошел в здание цирка.

* * *

Около семи вечера в квартире Елены зазвонил телефон. Елена сняла трубку.

— Лена, это я, — прозвучал в трубке баритон Бороды, — не волнуйся.

— Все нормально?

— Да. И стоять это будет в пределах разумного.

— Сколько?

— Сейчас не об этом. Сегодня ты должна наприситься на встречу с тем, кто тебе звонит.

— А если он откажется?

— Не откажется, скажи ему, что ты не доверяешь телефону и хочешь обсудить некоторые детали лично. Договорись встретиться с ним где-нибудь у парка Челюскинцев.

— А если он не поедет туда?

— Скажи, что плохо знаешь город в других местах. Ясно? И сразу же перезвони мне. На встречу поедешь на моей машине. Хотя, нет. Сделаем иначе. Я подвезу тебя туда сам. Все. Отбой.

Последующие полчаса до звонка посредника Елена провела как на иголках. Она повторяла слова, которые должна была произнести, поймав себя на мысли, что делает это, как много лет назад, готовясь к той или иной роли в кино. Она ходила по комнате и с различными интонациями произносила.

— Я согласна на ваши условия... Я согласна на ваши условия...

Снимая трубку зазвонившего телефона, она еле сдерживалась, чтобы не выпалить весь подготовленный текст сразу.

— Здравствуйте, Елена Леонидовна, — сказал посредник, — как вы?

— Не тяните кота за хвост, я все сделала, как вы просили. Я согласна на ваши условия. У меня просто нет другого выхода... — тут она остановилась, интуитивно понимая, что нужна пауза.

— Вот и отлично...

- Но детали по телефону я обсуждать не буду. Давайте встретимся.
— Это так неожиданно.
— Вы боитесь?
— Я ничего не боюсь...
— Тогда давайте встречаться, и как можно скорее, чем раньше вы получите то, что вас интересует, тем раньше я увижу сына, так?
— Так-то оно так, но вы ведь еще не имеете на руках нужной суммы?
— Сумма не ваши проблемы, — разошлась Елена, — а мои... Давайте встречаться. Мне было бы удобным сделать это где-нибудь за парком Челюскинцев.
— Почему именно там?
— Я давно не была в Минске и плохо ориентируюсь вечером в других местах.
— Ну, пусть будет так.

* * *

Елена доехала с Бородой до поворота с проспекта Скорины на улицу Макаенка. Здесь Борода остановил машину, оставил Елене ключи и исчез в темноте аллеи.

Оставшись одна в автомобиле, Елена попыталась тронуться с места, но мотор заглох. Вторая попытка была более удачной, и к переезду детской железной дороги она уже освоилась с управлением незнакомого автомобиля.

Остановила она свою машину с тыльной стороны парка Челюскинцев.

Машин вдоль дороги было немного, а обогнала ее только одна. За рулем ее сидел молодой парень. Елена подумала, что он не мог быть посредником, поскольку тот явно старше.

Елена не догадывалась, что это был автомобиль следователя Ходкевича, за рулем которого сидел опер Толстуха. Он проехал к зданию спортивной школы, остановил машину и поднял капот, делая вид, что пытается разобраться в причинах неисправности мотора.

Елена, открыв зачем-то все дверцы, сидела в машине уже минут пятнадцать. И вдруг мужской голос произнес.

— Не оборачиваться, выйти из салона, повернуться лицом к машине.

— Господи, — подумала она, — как в кино. Вот сейчас или такой фразой должна была закончиться серия... И чего только не придет в голову от волнения...

Она испугано и почти механически выполнила команды невидимого ей человека.

— Хотели меня надуть?

— Нет, у меня и в мыслях не было...

— А вам не приходило в голову, что ваш телефон прослушивается?

— Приходило, — сказала Елена, лихорадочно соображая, действительно ли похитители прослушивали телефон или это опять психологический прием. Поэтому я попросила вас встретиться и поговорить без телефона.

— И правильно, такую возможность надо было предполагать, прежде чем вы даете использовать себя в качестве приманки ментам.

— Ментам? — повторила последнее слово Елена и поняла, что это проверка. Ее пытаются взять на пушку.

— Не ломайте дурака, — сказала она, — я приехала сюда, для того чтобы обсудить все, что меня интересует без телефона. Я приехала одна, а не в сопровождении бригады милиционеров. Это вы мне звонили?

— Да, — сказал мужчина, — это я вам звонил.

— Мне можно повернуться к вам лицом или вы еще боитесь меня? — произнесла Елена уже с легкой иронией.

— Разумеется, можно. Мне нужно было убедиться, что вы не ведете двойную игру.

— Нет, — произнесла Елена, — я веду только одну игру... что с Павлом?

— С ним все в порядке, только не пытайтесь у меня узнать что-нибудь еще. Я всего лишь человек, который отрабатывает долги ребятам, занимающимся похищением людей...

— Как мне вас называть?

— Зовите меня переговорщик. И о чем же мы будем говорить, если вы не похититель?

— Меня послали оговорить условия передачи денег.

— А условия передачи Павла?

— Одно предполагает другое.

— Где он сейчас?

— Ответ на этот вопрос не входит в мою компетенцию.

Вдалеке появились огни автомобиля. Мужчина умолк и стал ждать, пока автомобиль проедет мимо. Но именно в это время из-за кустов появились две мужские фигуры. Они набросили пришельцу мешок на голову и подтащили его к приближающейся машине. Мгновение — «переговорщик» и его похитители скрылись в салоне, и автомобиль, развернувшись, удалился от места, где стояла Елена, ошеломленная случившимся.

Опер находился слишком далеко, чтобы как-то отреагировать на все, что произошло. Однако он все же бросился в машину, но впопыхах забыл опустить крышку капота. Ругаясь, он вышел, опустил капот и вновь сел за руль, продолжая наблюдать за автомобилем Елены. Увидев, что машина актрисы развернулась и поехала вдоль парка, тронулся и поехал вслед за ней.

* * *

Утром следующего дня Толстуха ввалился в кабинет Ходкевича.

— На проспекте Скорины у ресторана «Витязь» стоит припаркованный Опелькадет госномер 32-74. Его хозяин некто Дrajнин Николай Федорович. По непроверенным пока данным это он подъехал на автомобиле к ресторану «Витязь», оставил его там, а сам пешком пересек парк и встретился с Еленой Леонидовной.

— А где он сейчас?

— Хороший вопрос, но у меня нет ответа.

— И что из всего этого следует?

— Ясно одно. Елена Леонидовна заключила союз с некоей криминальной группировкой, которая обещала ей помочь лучше, чем ты со своей милицией. Только у нее это может не получиться.

— Почему?

— Видишь ли, преступный мир пошел опытный и осторожный. Они в качестве переговорщиков используют должников, но не своих, а тех, кто должен другим фирмам и фирмочкам. Так что, если в их лапы и попался Дrajнин...

— Этот Дrajнин когда-то работал у нас, но ушел в бизнес. А там действительно прогорел и многим задолжал.

— Что будем делать? О визите Елены Леонидовны знали трое: я, мой начальник и секретарша отдела.

— Постарайся узнать, не ушла ли информация о заявлении к кому-либо от секретарши или твоего начальника.

- Как?
- Разумеется, оперативным путем.
- Это не свойственный мне путь, я следователь...
- А я... занимаюсь не свойственной мне деятельностью и это ничего?
- Почему, не свойственной. Как раз именно операм и свойственной, только вот немного незаконной.
- Ну, хватит, — передразнил его опер и ехидно произнес, — немного незаконной... Немного незаконно, — это как слегка беременная женщина...

* * *

Дражнин сидел в каком-то подвале, привязанный веревками к спинке стула. В подвале было темно, так как источник света — электрическая лампочка, была где-то за стеной, и лучи света пробивались в подвал через вентиляционную шахту.

Но вдруг вспыхнул свет, да такой яркий, что Дражнин закрыл глаза. А когда открыл, увидел перед собой высокого мужчину с шерстяной маской на голове.

— Как самочувствие, Николай Федорович? — произнес мужчина, и голос его показался Дражнину до боли знакомым.

— Нормально, — ответил Дражнин, — кто вы?

— Разумеется, разбойники, и, разумеется, с большой дороги.

— Что вам нужно?

— Хороший вопрос. Нам нужно знать местонахождение сына Елены Леонидовны, которую вы уже несколько дней шантажируете.

— Я не знаю, где он находится. Видите ли, я всего лишь посредник, который...

— Я это уже слышал и хочу вас предупредить, что в этом подвале одну фразу несколько раз не повторяют. Впрочем, я поступил некорректно, не сообщив вам правила игры этого подвала... В отличие от вас, любителей, мы действительно иногда похищаем людей... Но страшно не любим, когда это делают другие, причем рядом с нами.

— Я ни причем, я...

— Сейчас я покажу вам пленку. На ней вы увидите этот же подвал и одного из ваших предшественников... Внимательно посмотрите этот ролик, а потом я отвечу на ваши вопросы.

И тут только Дражнин заметил, что напротив него стоит стол, на котором расположился видеомонитор.

Мужчина в маске включил его и вышел из подвала. Было слышно, как он поднимается по ступеням, а потом все стихло.

* * *

Борода вошел в одно из подсобных помещений мастерской, где его ждали Влад и Юрась. Впрочем, ждал, то есть ничего не делал, только Юрась. Влад стоял у тисков и что-то подтачивал личным напильником.

— Ну что, бандит? — спросил его Юрась. — Как успехи?

— Пока никак, нужно чтобы клиент созрел, — ответил Борода, снимая маску.

— Он зреет уже...

— Нам некуда торопиться, — не дал ему договорить Борода, — как ваши успехи?

— Нормально, — ответил Юрась, — наш рукастый Влад сделал слепки ключей и осуществляет доводку дубликатов.

— Тебе еще долго? — спросил Борода Влада.

— Почти закончил, хорошо бы проверить их на скважинах, но скважины далеко.

— А ты сравни с подлинниками.

— Уже сравнил, — ответил Влад, — на мой взгляд, все в порядке.

— Ну, тогда давай их мне, а подлинники будут у вас.

— Как знаешь, — ответил Влад и передал набор дубликатов ключей Бороде.

— А где цепочка? — спросил Борода.

— Какая цепочка? — не понял Влад.

— Которая связывает ключи.

— Ну, ты наглец, где же я тебе среди ночи цепочку возьму.

— Возьми шпагат, — вмешался в разговор Юрась, — он вполне заменит цепочку.

— Ну, все, я двинулся к клиенту, — сказал Борода.

— Не торопись, — съехидничал Юрась, — в образ войди.

— Пошел ты, — ответил Борода, — ты лучше замотай палец, вон кровь капает.

— Уже не капает, — ответил Юрась, — а поначалу действительно капала. Укусил меня клиент за палец, и я вправе потребовать сатисфакции.

— Да, — ответил Борода, — вызови его на дуэль.

— Я с тебя потребую сатисфакции, — сказал Юрась, — ты меня втянул в эту картинку.

— Если с меня, то это называется компенсацией, — ответил Борода, надел маску и вышел из помещения.

* * *

Когда Борода в маске вошел в подвал, где находился привязанный к стулу Дrajнин, на экране видеоплеера уже шла рябь, означало это, что ролик уже закончился.

— Ну как картинка? — спросил Борода Дrajнина.

Тот молчал.

Борода подошел к плееру и произнес:

— А, наверное, я не включил звук, тогда сейчас сделаем маленький повтор, да и комментарий небольшой понадобится.

Он отмотал пленку назад и снова включил «воспроизведение».

На экране плеера возник знакомый уже Дrajнину подвал. Посредине его на стуле сидел парень.

— Это представитель конкурирующей фирмы, — пояснил Борода, — ему объяснили правила этого подвала, но он ничего не понял...

К человеку приближаются трое в масках.

— Заметьте, Николай Федорович, — произнес борода, — все участники этого действия в масках. Это значит, они надеются на то, что гость правильно воспримет все, что происходит и уйдет отсюда живым, а, следовательно, он не должен видеть их лица. Если же парни снимут маски, то ничто уже ему помочь не сможет.

— Что вы хотите этим сказать?

— Я хочу сказать, что в этой игре есть два тайма — сейчас вы будете видеть первый.

Парни в масках начинают избивать «гостя». Они бьют его руками и ногами, до тех пор, пока тот не произносит фразу:

— Я все скажу...

Изображение на экране исчезает...

— Это первый тайм, — произнес Борода. — А сейчас я покажу вам второй. Недавно нам попался весьма оригинальный экземпляр, который посчитал, что мы устраиваем здесь некий балаган. Он выдержал первый тайм, и тогда нам ничего не оставалось делать, как снять маски. Это сейчас вы тоже увидите.

На экране вновь появляется изображение. Хорошо видны две руки, которые вставляют магазин в рукоять пистолета.

Слышен характерный щелчок. Затем следует передергивание затвора. Поскольку изображение дается крупным планом, видна входящая в патронник желтоватая гильза.

— Нет, — закричал Дrajнин и закрыл глаза.

— Ну что вы, Николай Федорович, — произнес Борода, я ведь только рассказал вам правила поведения... у нас. А играть по ним вам... Я могу пригласить сюда моих помощников. Впрочем, можно и не приглашать... а сыграть сразу второй тайм вдвоем...

Борода приблизился к Дrajнину и начал стягивать с лица маску.

— Нет, — вновь закричал Дrajнин, — я скажу...

— Да уж, пожалуйста, — вежливо произнес Борода. — Вопрос первый: где сейчас находится Павел?

— На даче моего знакомого.

— Ну, вот и прекрасно. Вы не переживайте особенно, — успокаивающе произнес Борода, — за все надо платить, и это не самая дорогая плата... Вопрос второй... Где находится эта дача?

* * *

Автомобиль, в салоне которого на заднем сиденье сидел Дrajнин, медленно ехал по ночному городу.

Рядом с Дrajниным был Юрась с шерстяной маской на голове, а за рулем Влад в огромных темных очках, наполовину закрывающих лицо.

Юрась демонстративно играл ключами Дrajнина. Дrajнина это раздражало, но он не хотел конфликта с похитителями и сдерживался.

— Куда дальше? — спросил Влад, когда они миновали огромное, похожее на многопалубный корабль здание архитектурного института.

— К посту ГАИ на Логойке, — ответил Дrajнин.

Влад, свернув вправо, выехал на кольцевую дорогу, и через пять минут они уже подъезжали к посту ГАИ. К удивлению сидящих в машине, один из гаишников стоял с жезлом на дороге. Юрась стиснул руку Дrajнину да так сильно, что он застонал.

— Не вздумай, — прошипел Юрась, — не вздумай.

А Дrajнин в свою очередь удивился прозорливости похитителей. Он действительно чуть было не вздумал закричать, чтобы привлечь внимание гаишника.

Машина свернула направо, а затем повернула налево к поселку с названием Валерианово.

— За постом ГАИ направо, — запоздало произнес Дrajнин. Потом поселок Валерианово, улица Пирогова. Перед КПП налево, а там я покажу...

— Хорошо, — ответил Влад.

Но тут что-то случилось с мотором, и Влад остановил машину, выбрался наружу, открыл капот и стал возиться с двигателем.

Этот капот не позволял сидящим в машине видеть его. На самом деле Влад только имитировал поиск неисправности, время от времени поглядывая на циферблат часов.

* * *

Борода шел к коттеджу на улице Пирогова.

Он открыл калитку, подошел к входу в здание и дубликатом ключа, изготовленного Владом, открыл входную дверь.

«Молодец Влад, — подумал он, — вот уж рукастый, так рукастый».

Он давно тянул Влада в мастерскую, все уши прожужжал хозяину. Да и хозяин был не прочь. Однако Влад после кино заболел цирком и не хотел уходить в автомеханики.

Борода за свои пятьдесят лет, благодаря фактуре, сыграл в кино более семидесяти больших и малых ролей. Был и геологом, и казаком, и директором дома культуры, и даже Владимиром Красное солнышко в каком-то историческом фильме названия которого не помнил. Но роль похитителя и домушника ему пришлось играть впервые.

Проникнув в дом, он кожей почувствовал, что, несмотря на отсутствие света и мнимую тишину, в доме кто-то был.

Поскольку все состоятельные минчане стали делать евроремонт, то, Борода без труда нашел внизу выключатели, включил один из них, готовый мгновенно отреагировать на появление кого-либо.

Но в прихожей было пусто. Однако в соседней комнате кто-то застонал.

Борода прошел туда и включил свет.

Там на полу, прикованная наручниками к батарее, сидела не то девушка, не то девочка.

— Ты Жанет? — спросил Борода.

Девочка мотнула ему в ответ, а потом кивнула на круглый стол.

— Там ключ от наручников, — сказала она.

Борода взял ключ и открыл замок наручников.

— Кто еще в доме? — спросил Борода.

— Не знаю, — ответила девушка и бросилась к крану с водой.

— Твою мать, — выругался Борода, — они что, тебе даже бутылки с водой не поставили?

Девушка не ответила, а только махнула рукой, мол, чего от них ждать.

— Тебе надо уходить, — сказал ей Борода, — и чем быстрее, тем лучше.

Девушка, так же не глядя на Бороду, вдоль стены пошла к выходу. И только у двери она оглянулась, и Борода уже не увидел в ее взгляде затравленности.

— Иди, там никого нет, но через минуту здесь будут менты, — сказал он, — чтобы девушка не приняла его за бандита, который пытается похитить Павла.

«Пусть думает, что я как-то связан с милицией».

Слово «менты» произвело на девушку магическое действие. Она тут же скрылась. А Борода направился в подвал.

Открыв третьим ключом дверь подвала, Борода произнес:

— Павел, не бойся, это дядя Саша, пошли со мной, тебя ждет мама, она приехала из Парижа.

Борода ожидал любой реакции, кроме той, что последовала.

— Я не поеду, — ответил Павел.

— Поедешь.

— Нет, они убьют Жанет.

— Успокойся, уже не убьют.

— Ее освободили?

— Да. Пойдем, там за домом стоит машина. Быстро в нее...

Павел вышел из дома, сел в машину. Он все время оглядывался, словно хотел запомнить внешний вид коттеджа, в котором провел несколько дней.

— А что с Жанет? — спросил он, когда машина тронулась.

— Ее освободили, — уклончиво ответил Борода. — Но вот что она делает в настоящий момент, я не знаю.

И действительно, откуда Борода мог знать, что Жанет вовсе не убежала подальше от дома, где ее содержали похитители, а как настоящий разведчик наблюдала за тем, что происходит из-за кустов садика соседнего коттеджа.

* * *

Влад еще раз посмотрел на часы, закрыл капот и тихо поехал по асфальтовой дороге, а затем свернул туда, куда указал ему Дrajнин.

Коттедж на улице Пирогова был темен и мрачен.

— Ключи, — сказал Влад, — останавливая машину возле дома.

Юрась ловко кинул ключи Владу. Тот выбрался из машины и направился к коттеджу. Дrajнин и Юрась напряглись, видя, как Влад неожиданно легко вошел в дом. И это напряжение продолжалось до тех пор, пока Влад не вернулся к машине.

— Его там нет, — сказал он.

— Ну как же нет, — засуетился Дrajнин и выбрался из машины, — этого не может быть. Вы хорошо все посмотрели?

— Хорошо, — ответил Влад.

— И были в подвале?

— Да.

— А как вы его отырли? Ключом?

— Нет, ключ не понадобился, — сказал Влад, — подвал уже был открыт.

— Этого не может быть, — истерически закричал Дrajнин.

В это время выбрался из машины Юрась. Он придвинулся маской к лицу Дrajнина и тихо произнес.

— А может, это вы нам, чего-то не договариваете, господин Дrajнин?

— Нет, — закричал Дrajнин и, пользуясь мнимой нерасторопностью «конвой», бросился бежать в темноту.

Когда он скрылся, Влад снял очки, а Юрась маску, затем они оба подмигнули друг другу, сели в машину и покинули поселок Валерианово.

Но самое удивительное, что ни Дrajнин, ни Юрась с Владом даже в мыслях не могли предположить, что разыгранная сцена была наблюдаема четвертым ее участником действия с похищением.

Цепкий взгляд Жанет фиксировал все, что происходило возле дома Дrajнина. Фиксировал и делал выводы.

* * *

Влад выбрался на основную магистраль, ведущую к Минску. И так как дорога была почти свободна от машин, через десять минут был на улице Калиновского рядом с домом Бороды.

Но машины Бороды на стоянке возле дома не было.

— Будем ждать, — сказал Юрась.

— А что нам остается делать, — ответил Влад.

Они откинулись на сиденьях и стали кимарить.

Через полчаса послышался звук мотора, и по ветровому стеклу машины Влада полоснул свет фар автомобиля Борода.

Влад открыл дверку и спросил:

— Чего так долго?

— Ну, пока Павла сдал на руки мамаше.

— Это было так трудно?

— Да, он рвался ехать разыскивать свою подружку.

— Серьезный хлопец, — иронически произнес Юрась.

— А-то, — в той же тональности подтвердил это Борода, — поднимайтесь ко мне.

В квартире Борода скомандовал гостям.

— Мойте руки и за стол.

— Да, пока ты пригостишь, — сказал Юрась, — мы поспим.

— Ага, поспите, — ответил Борода. — У меня уже все готово. Вот только мясо в микроволновке разогрею и все.

И действительно, на столе возвышалась огромная бутылка «Метаксы» в окружении нарезки из овощей, колбас и карбоната.

— Так ты что, заранее подготовился к банкету? — спросил Юрась.

— Конечно, — ответил Борода.

— И ты не сомневался, что это дело у нас выгорит? — спросил Влад.

— Ни капли.

— Ну, ты даешь.

— А здесь все как в жизни, идешь на трюк — не сомневайся, что у тебя получится.

— Ну, знаешь, не надо путать трюки, с реальной жизнью, — возразил рассудительный Влад, — трюк и жизнь имеют разные цели.

— Правильно, Володя, — произнес Борода, — помнишь, как мы снимали во ВГИКе свою дипломную работу «Сценическое столкновение». Мы четко вбивали в мозги всех, кто будет смотреть фильм: в реальной драке нужно поразить соперника, а в драке киношной нужно поразить... кого?

— Зрителя, — хором, как на уроке в первом классе, ответили Юрась и Влад.

— Кстати, — сказал Борода, — в отношении нашего фильма о трюках. Я как-то в Москве встретился с большим советским чиновником от кино. Он сказал, что с нашим фильмом он объездил весь мир.

— А в восемьдесят первом году, — добавил Влад, — он на конкурсе спортивных фильмов занял второе место после фильма о московской Олимпиаде.

— Да, было времечко, — ехидно произнес Юрась, — но нам-то от этого ничего не перепало.

Он взял в руки бутылку и стал открывать, продолжая разглагольствовать.

— Вы оба за рулем, значит все это мое.

— Размечтался, — ответил ему на это Борода, — здесь все как в коллективном трюке, а значит...

— Все поровну, — кисло отозвался Юрась.

Борода отобрал бутылку у Юрася, разлил коньяк в три стопки, достал из микроволновки блюдо с подогретым мясом и поставил на стол.

— Ну, — произнес он, взяв в руки стопку, — за успех нашего безнадежного дела.

Все выпили, и после некоторой паузы Влад произнес:

— Самопал.

- Но качественный, — съязвил Юрась.
— Испортил праздник, — вставил свои пять копеек Борода.
— И где ты его достал?
— Клиент привез в подарок за качественный ремонт.
— Вот видишь, как бывает, ремонт качественный, а презент не качественный, — заржал Юрась.
— Ладно, не отравимся, — сказал Борода, — давай по второй...
— За то, чтобы не сломать шею на трюке, — произнес Юрась.
— Угу, — ответили Влад с Бородой...
Закусили. По всему было видно, Бороду огорчило, что он выставил друзьям самопальную «Метаксу».
Влад понял это и сказал:
— Не бери в голову, сейчас все самопальное...
— Во-во, — вмешался больше всех захмелевший Юрась, и непонятно кого передразнивая, произнес, — качество ушло из нашей жизни...
Несмотря на некачественную выпивку, закуска со стола исчезала с невероятной быстротой. И Борода, видя это, сказал:
— Пожалуй, на один тост еще хватит.
— Во, жизнь пошла, — прокомментировал Юрась, — раньше тосты обеспечивались водярой, а теперь — закусью.
— Все течет, все изменяется, — глубокомысленно заметил Влад.
— Тогда третий тост, — сказал Борода.
— Ты уже говорил, — перебил его Юрась, — теперь моя очередь. Я хочу выпить за тех, кто в море...
— Но третий тост пьется за женщин, — сказал Влад.
— А я за них и хочу выпить, это так называемый тост Степана Разина, за тех, кто в море... то есть за женщин.
— Как всегда, ты все опошлил, — сказал Влад.
— Нисколько, — ответил Юрась, — я всегда был реалистом.
— Хватит собачиться, — произнес Борода, — закуска кончилась, пойдем в другую комнату, я давно Влада не слышал...
— Так ночь глубокая, — возразил Влад.
— А мы потихоньку, — ответил Борода.

* * *

Толстуха пришел домой поздно и по этому поводу поругался с женой. Жена демонстративно ушла спать в другую комнату, а Толстуха стал думать, как жить дальше.

Большинство его друзей давно оставили службу и ушли в коммерческие структуры. Правда, бизнес не был их призванием, и они заняли нишу телохранителей и сотрудников служб безопасности. Что в девяностые было равнозначно уходу в криминал.

Впрочем, в те годы у многих оперов появилась поговорка: что мы, что они по одной жердочке ходим.

Но Толстуха и тогда не позволял себе таких мыслей. И, наверное, оказался прав. Потому что многие из его коллег защищая интересы денежных людей, первые пару лет держались так же как их работодатели и готовы были размазать по стенке всех конкурентов. Но потом с ними происходило то, что обычно происходит с бандитами. Прить куда-то уходила. Они становились нелюдимыми, раздражительными. Исчезала гордая посадка головы. А сама голова все чаще была

втянута в плечи, взгляд терял сталь и походил на взгляд не столько загнанного, сколько усталого и уже не способного к сопротивлению животного.

Кое-кто начинал искать запасной аэродром, на который можно было бы свалить. И кое-кому это удавалось. Но многие до него не дотянули и пали под пулями киллеров и битами спортсменов, нанятых конкурентами их боссов.

Таким образом, Толстуха не изменил профессии, но при всем этом сидела в нем некая неудовлетворенность. Но не профессией, которую он выбрал когда-то, а отсутствием ощутимых результатов той работы, которой он себя посвятил.

Наверное, поэтому он нашел родственную душу в лице Ходкевича и честно таянул с ним лямку личной борьбы с преступностью.

Рассуждая о жизни и работе, он заснул, а проснулся часов в пять утра. Однако не потому, что не выспался. Все было наоборот. Нет, он не закричал «эврика!», не побежал голым по Сиракузам, то есть Минску. Он просто, не умываясь, вышел во двор, завел машину Ходкевича и поехал к ресторану «Витязь». Как он и предполагал, машины Дражнина там не было.

Толстуха тут же позвонил дежурному и навел справки о месте жительства Дражнина. Оказывается бывший следак жил в Валерианово на улице Пирогова, и опер поехал туда.

* * *

Перебравшись в другую комнату, которую Борода называл гостиной, троица уселась на угловой диван. Борода дал в руки Владу гитару, и тот стал ее настраивать.

— Братва, — сказал Юрась, — а я только сейчас понял, что мы дергали смерть за усы.

— Типун тебе на язык, — ответил Борода и ушел на кухню. — Я сейчас вернусь, только посуду в раковину сброшу.

К тому времени, когда он вернулся, Влад уже настроил гитару и тихонько напевал:

Еще земли не тронут сон сигналом трубача
Еще не начал эскадрон рубить сплеча.

— Ну, давай, — сказал Борода, — «...деньжат не густо отвалил».

Влад однако, проиграл вступление и только потом начал:

Деньжат не густо отвалил,
Зато шутил, зато хвалил.
Что говорить, продюсер деловой,
Когда писали договор, сказал,
Почти потупя взор,
Смотри, дружок, рискуешь головой.

Следующие два куплета этой песни про каскадеров шли в обычном ритме и не так громко, как это было обычно. Все понимали, на дворе глубокая ночь, тут особенно не распоешься.

Но вот текст перешел к кульминации и больше всех опьяневший Юрась заорал дурным голосом, подпевая Владу:

А дальше розовый пробел
Я кувырчался, как хотел
Металл шипел, трещал, краснел, горел.
Прости меня, Серега-друг,
Кажись, последний это трюк.
Он дверь взломал, я выскочить успел.

И тут же по трубе отопления кто-то из соседей застучал чем-то металлическим. Причем так сильно, что, наверное, разбудил тех, кого еще не смог разбудить Юрась. Борода, поморщившись, толкнул Юрася в плечо. И вся троица уже тихо закончила песню:

Когда водою пламя сбил,
Внезапно понял, проскочил.
Как говорится, всем чертям назло.
Лауреат мне руку жал,
А доктор плечи бинтовал,
На этот раз, как видно, пронесло,
На этот раз мне просто повезло.

- Ладно, — сказал Борода, — ложимся спать...
- Я на кухне на топчане, — произнес Юрась и покинул гостиную.
- Влад с Бородой переглянулись.
- Там в холодильнике остатки «Метаксы».
- Я отлил граммов сто, — сказал шепотом Борода, — пусть пьет.
- А отлил зачем? — непонял Влад.
- Ему утром надо будет опохмелиться.

* * *

Следующий день для Ходкевича начался с визита к нему опера. Тот ввалился к нему страшно возбужденный.

- Знаешь, — сказал Толстуха, — кто сидит у тебя в коридоре перед дверью?
- Сейчас узнаю, — ответил ему в том же тоне следователь.
- Откуда? — не понял ответа опер.
- От тебя, откуда еще, — съехидничал следователь, — у меня другого информатора нет.
- Нашел информатора, — обиделся Толстуха.
- Извини, — сказал Ходкевич, — я хотел сказать, иного источника информации нет. Дак кто там сидит? Неужели Дrajнин?
- Правильно, там сидит Дrajнин.
- Он пришел сам?
- Почти, после профилактической беседы со мной...
- И где ты его раздобыл?
- В его родовом гнезде.
- Говорят, он такой коттедж отгрохал, где-то за городом.
- Да, в Валерианово.
- Ты этот коттедж видел?
- Обижаешь, начальник, я там был.
- Внутри?
- Конечно.
- Но говорят, там у него псарня.
- Там у него табличка «Во дворе злые собаки», но собак нет. Как полагаешь, почему?
- Не знаю.
- Это типичная обманка. Сейчас многие такие таблички вешают, а иногда даже на магнитофон лай собак и рычание записывают. Смекаешь?
- Смекаю... Зови...
- Опер открыл дверь. Но в коридоре никого не оказалось.
- Елы-палы... Сбежал.

В это время в кабинете зазвонил телефон. Следователь снял рубку.

— Это шеф, — сказал он, зажимая рукой микрофон, — сейчас будет здесь, ты исчезни на время...

Толстуха сориентировался мгновенно, на то и опер. И уже через пару секунд в кабинете его не было.

* * *

— Проходи, Николай, — сказал начальник следотдела Дrajнину, пропуская его вперед в кабинет Ходкевича.

Ходкевич при виде начальника встал из-за стола, а начальник, отнесясь к этому как к должному, продолжал.

— Вот, Виктор, с нашим бывшим коллегой произошел странный случай. Идет он по парку, и вдруг его хватают какие-то люди, привозят в какой-то подвал и начинают пытать, приняв за представителя конкурирующей банды. И, что самое интересное, пытаются выяснить у него обстоятельства похищения сына нашей, точнее вашей, француженки... Федорычу пришлось сказать, что похищенный находится у него на даче. Его повезли туда, но он, зная особенности расположения местности, убежал от похитителей и явился к нам.

— Он видел похитителей?

— Он все вам расскажет сам. А вы зафиксируйте его показания в объяснительной, поскольку вопрос о возбуждении уголовного дела еще не решен.

Закончив говорить, начальник, не прощаясь ни с Дrajниным, ни с Ходкевичем, вышел из кабинета. А Ходкевич кивнул Дrajнину на стул.

— Давайте уточним все, что вы видели, — сказал Ходкевич и взял в руки лист бумаги, но прежде всего, ответьте мне на несколько вопросов... У вас не сложилось впечатления, что бандиты ошиблись

— Да, — кивнул Дrajнин, — именно такое впечатление у меня и возникло, поскольку они несколько раз называли меня чужим именем.

— А что за воздействие применялось к вам?

— Они показывали мне сцены насилия с предыдущими клиентами.

— Нельзя ли поподробнее.

— Они садистски избивали одного человека. Они били его и, казалось, наслаждались этим.

— Так. Давайте вспомним, как они его избивали.

— Мне не хотелось бы к этому возвращаться...

— И все-таки. Он был связан или привязан к чему-нибудь?

— Нет, он сидел на стуле, много раз падал, его вновь поднимали и продолжали избивание...

— Продолжайте, — сказал Ходкевич, — мне кажется именно тут и находится разгадка этой «щемящей» душу истории.

* * *

За одним из столиков летнего кафе на Немиге сидели Борода, Влад и Юрась.

Перед первыми двумя были стаканчики с мороженым, а Юрасьпил коктейль, купленный ему Бородой.

— Когда мы приехали туда, то Павла в подвале уже не было, — сказал Влад Бороде.

— Куда же он делся? — иронически, как человек знающий ответ на свой же вопрос, спрашивает Борода.

- А может, его там и не было? — произнес Влад.
— Был, — сказал Борода, — и этому есть одно железное доказательство.
— Его похитили конкуренты?
— Возможно.
— Ты чего шифруешься?
— Да так, один странный тип все время появляется в поле моего зрения.
— Где?
— Не оглядывайся, он сидит через столик от нас.

А за соседним столиком сидел опер Толстуха. Нельзя сказать, что он вычислил каскадеров, просто он вернулся к одной из ниточек, которую когда-то выпустил из рук, позволив скрыться Бороде на автомобиле.

- Посмотри, что он пьет, — сказал Влад, сидевший спиной к оперу.
— Коктейль, как и Юрась.
— Значит, он не милиционер.
— Почему ты так решил?
— Потому, что милиция всегда за рулем, а значит...
— Ничего это не значит, но нам надо сваливать от греха подальше и внимательно смотреть, не появится ли он возле нас в ближайшее время.
— Идем, — сказал Борода Юрасю.
— Я еще не кончил, — ответил тот.
— Ну, так заканчивай.

Юрась отбросил в сторону соломинку, туда же отставил свою мнимую интеллигентность, махом выпил остатки коктейля и произнес:

— Я готов.

Все трое мгновенно снялись со своих мест и пошли к выходу. Опер не успел за ними, так как должен был еще рассчитаться.

Впрочем, он сделал правильно, что не побежал за каскадерами. Они на всякий случай проверились на выходе, но так как за ними никто не последовал, успокоились.

- Ты куда сейчас? — спросил Бороду Влад.
— Надо кое о чем сообщить Елене, — ответил он.
— О том, что нас пасут?
— Да, но я не об этом мужике.
— Тогда о ком?
— Мне показалось, что вокруг мастерской все время крутятся какие-то малолетки и среди них эта коза Жанет.
— Ты с этим не спеши... Это их дела молодые.
— Да нет, Влад, тут уже наши дела, хотя действительно, зачем спешить. Надо кое-что прояснить.

* * *

В парке Горького на скамейке сидели Борода и Жанет.

- Как ты меня нашел, дядя? — спросила Жанет.
— Очень просто, поймал какого-то шкета, который крутился возле мастерской и попросил, чтобы он передал тебе приглашение на свидание.
— Круто, как в советском кино.
— А я и есть советское кино, то есть его осколок.
— Оно и видно, — сказала Жанет и неприязненно оглядела Бороду с ног до головы. — И зачем я тебе?
— Хочу рассказать сказочку.

- Ну, расскажи.
- В некотором царстве жила-была девочка Юля, которую почему-то звали Жанет. Ничем она не выделялась из своих сверстниц...
- Так уж и ничем, — презрительно произнесла Жанет и сплюнула на землю.
- Почти ничем, вот только была у нее мечта увидеть Париж...
- В этом нет ничего зазорного.
- Разумеется, нет...
- Ты чего туда уставился?
- Да кажется мне, что я видел где-то этого мужика, что стоит у парапета реки. То ли на улице, то ли в кафе на Немиге. Это не твой телохранитель?
- Нет, — ответила девушка, — слишком стар.
- «Нет, ответила Жанет», интересный каламбурчик получается.
- Не крути вола, дядя, для чего я тебе понадобилась?
- Сказочку рассказать.
- Так рассказывай и уматывай.
- Дак я и рассказываю.
- Ну, тогда короче рассказывай или ближе к сути.
- Ну, к сути, так к сути. А суть сказочки в том, что за все надо платить. Ты это знаешь?
- Я знаю, а ты?
- Тоже знаю, если уж решился тебе эту сказочку рассказать.
- Пусть будет так, и как выглядит моя плата?
- Тебе придется исчезнуть.
- Надолго?
- Пока до отъезда его матери.
- Что значит, пока?
- Значит, до отъезда, а там видно будет.
- А он останется здесь?
- Наверное, он ведь жить не может без Минска.
- Хорошо, — ответила Жанет, — я долго не могла сообразить, где тебя, такого крутого, видела. А потом вспомнила, в кино.
- Но это ничего не меняет.
- Э, нет, — сказала Жанет, — это многое меняет, если не все.
- И что же это меняет, — спросил Борода, чувствуя, что цепкий взгляд ее холодных глаз выбивает у него почву из-под ног.
- Жизнь не кино, — сказала Жанет и, поднявшись со скамейки, пошла вдоль парапета набережной Свислочи.
- А сказочку? — произнес ей вслед Борода.
- В следующий раз, — ответила Жанет.
- Борода обратил внимание, что она больше ничего не сказала. Ни до свидания, ни прощай. Но это не было неким актом невежливости. Так бывает, когда человек, с которым она только что говорила, для нее больше не существовал.

* * *

Елена ходила по комнате с длинной пахитоской, заправленной в такой же длинный мундштук.

Павел сидел в кресле, а Борода расположился на диване.

— Ты неделю не был в институте, — сказала Елена, — как ты собираешься выходить на сессию?

— Мама, ты не о том, — сказал Павел, — что на нее выходить, ее сдавать надо.

- Так вот я и удивляюсь, как можно ее сдать, не посещая занятия.
- Элементарно, — сказал Павел, — как два байта отослать.
- Что?
- Лена, — вмешался Борода, — не обращай внимания, это такой программистский сленг. У меня один помощник из этой же касты, так он начинает считать не с единицы, а с нуля.
- А че удивляться, — сказал Павел, — так и должно быть.
- Ладно, хватит меня отвлекать и успокаивать, — сказала Елена, — у меня на завтра взяты билеты до Парижа.
- Я без нее не поеду, — сказал Павел.
- Саша, ну хоть ты ему скажи...
- Не вмешивай в наши дела дядю Сашу, — сказал Павел.
- А кого я буду вмешивать? Отец от нас отказался, а дядя Саша тебя с пеленок помнит.
- И я его с этих пеленок помню, — сказал Павел, — я помню, как он меня на шее катал в общежитии, где вы жили после ВГИКа, и учил стихи читать. Я помню, как меня ставили на табурет, я декламировал, а вы покатывались со смеху.

Десятиклассники знать не желают классиков...

Но еще популярней было четверостишие:

Килька плавает в томате,
 Ей в томате хорошо.
 Только я, ядрена матерь,
 Места в жизни не нашел.

- Хорошо, но скажи мне, в качестве кого она поедет в Париж? — спросила Елена.
- В качестве невесты...
- О боже...
- Что значит, о боже?
- Саша, — снова обратилась к Бороде Елена, — ну хоть ты скажи ему...
- Дядь Саша, — произнес Павел, — я с уважением отношусь к вам, но... полагаю, что все это наши семейные проблемы, и их не стоит перекладывать на вас.
- Лена, посиди на скамейке у дома, мы с Пашей поговорим по-мужски. То есть как мужчина с мужчиной.
- Как знаете, — с легкой обидой произнесла Елена и направилась к двери. Борода дождался щелчка дверного замка и повернулся к Павлу.
- Ты давно знаешь эту девицу?..
- Дядь Саша, — произнес Павел, — и вы туда же, она нормальная девица.
- Паша, она действительно нормальная девица, — сказал Борода, — и в этом все дело. И все же, когда ты с ней познакомился, и что было причиной того, что ты обратил на нее свое внимание?
- Знакомы мы более года. И как мне кажется, это она на меня запала, а не я на нее...
- Верно, а не кажется ли тебе, что она на тебя запала не так, как обычно западают девицы...
- Не кажется.
- А может быть, ей хотелось вместе с тобой, как говорит мой юный помощник, свалить в Париж... Раз у тебя там мамаша живет...
- Дядь Саш, ну не без этого, но сейчас на границе весь пипл помешался, а особенно молодежь.

— Тогда ответь еще на один вопрос. Почему тебя так легко вычислила эта банда Кривого. И кто такой Кривой, и где он сейчас?

— Честно говоря, Кривой, дал мне немного денег...

— Поиграть?

— Ну да.

— И ты проиграл?

— Да.

— А потом?

— А потом меня поставили на счетчик.

— Ясно, и ты до сих пор...

— Нет, тут Жанет поговорила с крутыми ребятами и счетчик остановили. Но я остался должен Кривому две тонны баксов.

— Вот видишь, оказывается, Жанет пользуется у крутых ребят авторитетом.

— Да нет, дядь Саш, она просто знакома со многими.

— Каким образом?

— Она начинала заниматься кикбоксом в каком-то минском клубе. И тренер пророчил ей большое будущее.

— Но потом от нее отказался?

— Да, а откуда вы это знаете?

— По характеру вижу, она не поддается воспитанию.

— Действительно, уж если что ей в башку втемяшится — ломом не вышибешь.

* * *

Спустя час Борода вышел из подъезда и присел на лавочку к Елене.

— Мне надо ехать, — сказал он, — меня ждет Влад.

— А что Павел?

— Павел полетит с тобой в Париж, но на неделю, так будет лучше, пусть здесь все успокоится, а потом он вернется... сдавать сессию. Но это не главное.

— А что же главное?

— Главное, что пять минут назад на одну невесту в Минске стало меньше, — произнес Борода и, поднявшись со скамейки, направился к машине.

На встречу с Владом Борода опоздал. Но Влад честно ждал его уже целый час в кафе на Немиге.

— Ну, рассказывай о последних новостях, конспиратор, — сказал ему Влад, — надеюсь, сегодня нам не придется ни от кого бежать.

— Я тоже на это надеюсь, — произнес Борода и рассказал Владу о встрече Жанет и сегодняшней беседе с Павлом.

— Елки зеленые, — сказал Влад, — завертели мы дело.

— Не мы его завертели. Мы просто влезли в дело, которое уже вертелось.

— Слушай, — сказал Влад, — я немного не понял, так кто же приковал Жанет к батарее, и почему Павел не знал, что она находится в том же доме?

— Спроси что-нибудь полегче.

— Уж куда легче.

— Может быть сам Дrajнин?

— Может быть. А может быть, там был кто-то другой, тот, кого мы не заметили?

— И это возможно, и даже более вероятно. Ведь Дrajнин был у нас довольно долго. Плюс к этому он еще раньше уехал из дома.

— Так что тебя насторожило?

— Две вещи, во-первых, возле Жанет не было обычных в таких случаях атрибутов...

— Каких атрибутов?

— Ну, хотя бы полиэтиленовой бутылки, куда можно при нужде помочиться.

— А во-вторых, чайника с водой.

— И этого тоже. Да и весь спектакль с утолением неимоверной жажды, разыгранный ей, меня как-то насторожил.

— А может это был не спектакль?

— Нет, это точно был спектакль, ведь я актер и могу различить игру и жизнь. Это она могла полагать, что разыграла все по нотам, но я то видел, что это не так.

— Надо было проверить дом.

— А зачем, ну вытащили бы мы на свою голову еще кого-нибудь, что потом с ним делать. А так все получилось. Павла спасли, Дражнина разыграли.

— Что-то во всем этом не стыкуется. Вот чувствую, что-то не так, а понять не могу, — сказал Борода.

— Слушай, а зачем было имитировать вторичное похищение Павла. Мы не заигрались в приключенческое кино? Не перестали путать жизнь с детективом?

— Наивный ты человек, Влад. Его похищением мы напугали истинных похитителей, и они теперь ни к Павлу, ни к Ленке на выстрел не подойдут.

— Мне бы твою уверенность. И все же, кто приковал Жанет к батарее?

— Теперь поздно об этом рассуждать.

— Не согласен, теперь как раз и надо.

— Почему?

— Возможно, события примут непредвиденный оборот...

— И ты полагаешь в этом ключ к их пониманию?

— Возможно. Ты не сказал Павлу, что Жанет была в наручниках?

— Нет.

— И ты полагаешь, поступил правильно, намекнув Павлу, что его подруга нечиста в его похищении?

— Да.

— Но это только твое предположение. Она такая же жертва, как и Павел.

— Сомнительно.

— Но тебе, так же как и мне, не дает покоя вопрос, кто же приковал ее к батарее. И ты намекаешь...

— Да.

— Ну ты даешь, каким монстром нужно быть ...

— Знаешь, не это главное, интуиция говорит мне, что из этого союза ничего не получится. Пусть Павел улетит в Париж, пока все не утихнет, а там видно будет...

— Борода, ты всегда был лидером в нашей троице, но не переборщи. Помни наш девиз: за все надо платить.

— Да помню, его озвучил Серега, когда сломал себе позвоночник, прыгая с небоскреба.

— Но он сказал, что это его плата за тот кайф, который он испытал, выпадая из окна двенадцатого этажа.

— Да, чуть не забыл, Лена просила нас проводить ее к самолету.

— Она боится?

— Да, и еще она просила тебя захватить гитару.

— Но у нее есть мои диски.

— Наверное, она хочет услышать тебя вживую.

* * *

Минск. Музей кино. Свердлова 4.

В маленьком просмотровом зале сидел Ходкевич и смотрел фильм «Поговорим, брат».

В это время в зал бочком протиснулся Толстуха, он посмотрел на экран, а потом в зал, давая глазам возможность привыкнуть к темноте.

— Развлекаешься? — спросил он.

— Угу, — ответил Ходкевич, не отрывая взгляд от экрана.

— Еле тебя нашел.

— Я же записку оставил секретарше.

— Записку ты оставил, но где этот музей я не знал.

— Теперь будешь знать. Посмотри, как лихо они скачут, — сказал следователь и кивнул на экран.

А на экране разворачивалось действие с погоней: стучали копыта, во весь опор неслись лошади, всадники то приникали к лукам, то стреляли на скаку из карабинов.

— Впечатляет, — сказал Толстуха.

— Угу, — ответил Ходкевич, — но это еще что. Посиди здесь, я к киномеханику схожу.

Он вышел из зала и вскоре вернулся.

В это время невидимый киномеханик остановил картину, и в зале зажегся свет.

— Сейчас он перемотает, и ты посмотришь картинку еще более интересную.

— Тебя, между прочим, начальство ищет.

— Я, между прочим, на работе, — сказал на это Ходкевич.

— Вижу, — ответил Толстуха и хотел сказать еще что-то, но свет в зале погас, а на экране появился колодец, где три отрицательных персонажа избивали героя фильма.

— Смотри внимательней, — сказал следователь оперу.

И они, забыв обо всем, устремили взгляды на экран.

— Классно, — констатировал опер, когда эпизод закончился и герой, вскочив на лошадь, смог убежать от своих мучителей.

Фильм опять прервался, и в зале зажегся свет.

— А еще? — спросил опер.

— Хватит, — ответил Ходкевич, — ты понял, почему я здесь?

— Да, понял я. Ты полагаешь, что все, что было с Дразниным, инсценировка?

— Безусловно.

— И все это проделали...

— Да, разумеется.

— А как ты догадался?

— Все дело в том, что Потапова и эти ребята, которые избивали героя фильма, учились во ВГИКе в одной группе. И к кому могла пойти Потапова за помощью?

— Только к ним, — согласился опер.

— Правильно.

— Но я не о том, как ты догадался, что избияния, это всего лишь инсценировка?

— Здесь все дело в технике исполнения трюка, который называется «сценическое столкновение». Так называются драки в кино.

— И чем же драки в кино отличаются от драк в жизни?

— Драка в жизни имеет цель поразить кого?

— Противника или соперника.

- Правильно, а драка в кино должна поразить в самое сердце... зрителя.
- А-а... И все же, как ты догадался?
- Все очень просто, когда я допрашивал Дrajнина, он сказал мне, что того парня не привязывали к стулу. Бандиты так не делают.
- Почему?
- Потому что в киношной драке главную роль играет не тот, кто бьет, а тот, кого бьют.
- Не понял.
- Это долго объяснять, но для того, чтобы не сокращать ему возможностей сыграть главную роль в драке, он должен иметь некоторую степень свободы. Вот потому его и не привязывают. И он имеет возможность не только морщиться от ударов, но и падать, опрокидываться, летать от стенки к стенке на радость зрителям.
- Ты сам об этом догадался?
- Почти, просто я когда-то интересовался белорусским кино, ходил на встречи с актерами и усвоил их главный принцип.
- Это какой же?
- Кино, батенька, это зрелище.
- Да кто ж этого не знает.
- Знают все, но не все могут понять, что только через зрелищность в кино можно добиться соответствующего эффекта.
- Ну, ты даешь, — сказал опер, — а не уйти ли тебе в белорусское кино?
- Нет, это всего лишь имитация знаний о кино, да и то в рамках уголовного дела, которое я расследую.
- Ты расследуешь, а я?
- И ты тоже. Вчера меня вызвал босс и потребовал сегодня резюме по всем материалам.
- А я причем. Я же помогаю тебе неофициально.
- Неофициальная помощь закончилась. Шеф сказал, чтобы я был на докладе с тобой.
- Чтобы это значило?
- Как всегда, это может означать возможную реализацию дела, возможные аресты, задержания, все то, что так любят опера. Едем.

* * *

Несмотря на то, что босс ждал их, в кабинет к нему они попали только после получасовой «отсидки» в приемной.

— Обычная метода, — шепнул Ходкевич Толстухе, — подчиненный должен созреть для того, чтобы внимать указаниям начальства.

Когда они вошли в кабинет, шеф кивнул Ходкевичу, а с Толстухой, представителем другого подразделения, поздоровался за руку.

Потом указал обоим на стулья за приставным столиком и сказал Ходкевичу:

— Докладывайте.

Ходкевич стал излагать материалы предварительной проверки. Он дошел до предположения о возможной инсценировке похищения, и шеф прервал его.

— Ходкевич, — сказал он, — правильно расставляйте акценты. Какая инсценировка? Это они драку могут инсценировать. А действия, которые произвели в отношении гражданина Дrajнина, не есть инсценировка, это реальные действия, попадающие под конкретную статью Уголовного кодекса.

Тут шефа понесло, он вскочил со стула и заорал:

— Я им покажу кино, я им покажу, как самоуправничать, — кричал он, — это им не Париж. Задержать всех, кто участвовал в этом спектакле.

— Но у нас нет основания задерживать актеров, — сказал следователь.

— Как это нет основания?

— В их действиях нет состава преступления. Мало того, они действовали в состоянии необходимой обороны. Так как совершенно искренне, хотя и довольно своеобразно, защищали интересы гражданки Беларуси Потаповой от преступного посягательства.

— Она что? Гражданка Беларуси?

— Разумеется.

— Так, — произнес начследотдела. — Тогда надо задержать актрису.

— Основание?

— Организация похищения, введение в заблуждение... правоохранительных органов. Отвлечение их от основного вида деятельности... В то время как вокруг совершается масса преступлений, мы тратим силы на пустышки... В общем, берите автозак и дуйте в аэропорт.

— Почему в аэропорт? — удивился Ходкевич.

— Потому что вы в отличие от меня абсолютно не знаете оперативной обстановки.

— И все же, — упрямо, но спокойно, произнес Ходкевич, — какой новый элемент этой обстановки появился в последние двадцать четыре часа?

— Он появился гораздо раньше, просто вы его не знали, потому что плохо отслеживали все, что происходило вокруг данного похищения.

— Так что же все-таки произошло? — снова спросил Ходкевич. — Чем сегодняшний день отличается от вчерашнего.

— Тем, — назидательно произнес начслед, — что она сегодня бежит в свой Париж.

— Откуда вы знаете?

— Работа у меня такая... знать то, чего подчиненные не знают.

— А как с санкцией на арест?

— Никак, мы задержим ее на трое суток, а там видно будет...

— А как с транспортом? — поинтересовался Ходкевич.

— С транспортом все нормально, — ехидно ответил шеф, — без транспорта плохо.

* * *

Вернувшись в кабинет, следователь позвонил в аэропорт и узнал время отлета самолета в Париж. Затем он позвонил в гараж и вызвал автозак. И только после этого «опустился» до разговора с Толстухой.

— У меня в сейфе некая подборка фактов, — сказал он.

— По делам о похищениях?

— Не только, там еще материалы о молодежных группировках, в частности, Кривого и Цези.

— Тебе это зачем, это же не твой профиль, — сказал Толстуха.

— Он сейчас не мой, а когда возникнет уголовное дело, и его надо будет расследовать...

— Далек глядишь, — сказал опер, — но не высоко сидишь, а вдруг его отдадут другому следователю.

— Ну и что, одно дело делаем, я помогу ему этими материалами...

— Виктор, — сказала, распахнув дверь кабинета секретарша, — шеф беспокоится чтобы вы не опоздали в аэропорт.

— Автозака еще нет, — ответил Ходкевич.

— Уже подошел, — ответила на это секретарша и закрыла дверь кабинета.

— Привет, — сказал им водитель автозака, — а я думаю с кем ехать, сейчас какой-нибудь следак упадет в иномарку, как за ним удержаться. А у вас все в порядке, за вами я успею.

— Вот видишь, — засмеялся Толстуха, — о качествах твоего «Жигуля» известно даже в тюрьме.

— В тюрьме обо всем узнают первыми, — поддержал его Ходкевич, — и это вовсе не парадокс. Просто в тюрьме любая информация является более ценной, чем на свободе.

— Хватит философствовать, — сказал Толстуха, садясь в автомобиль Ходкевича, — ты объясни мне лучше, откуда твой шеф так хорошо знает, что случилось в подвале, и почему он сразу догадался, что это имитация?

— Он знает, что никакой преступной группировки по похищению людей нет.

— А почему он это знает?

— Правильная постановка вопроса. Потому, что Дразнин — его бывший подчиненный. А главным организатором липовых похищений и вымогателем денег является ...

— Елы-палы, — как я раньше не догадался, — удивился Толстуха. — У меня на эти дела нюх...

— Подвел тебя твой нюх, хотя я сам об этом догадался только что. Ведь все заявители брали свои заявления обратно после соответствующего шантажа и игры, руководителем которой мог быть только один человек.

— Точно, — подтвердил его рассуждения опер. — Как только я привез Дразнина и оставил его на мгновение, куда он помчался?

— Да, именно туда.

— Что будем делать?

— Что делать? Задержим Потапову и доставим к шефу...

— Но у него нет основания для ареста...

— А ему оно и не нужно. Он нарисует ей картину ужаса, которая ждет ее в тюрьме... А затем предложит дать откупные... И, таким образом, мы поможем ему сделать то, что не сделал Дразнин.

— А как шеф объяснит потом ее задержание начальству?

— Элементарно, он скажет, что это твоя инициатива. Ты получишь выговор и все...

— А что ты предлагаешь?

— Я предлагаю не сдавать ее...

— Каким образом?

— Останови машину. Ты пойдешь в ближайшее село и найдешь телефон, скажешь, что у тебя сломался автомобиль, но особенно не торопись.

— Но он скажет, что я должен выполнить задачу во что бы ни стало.

— Ты скажешь «есть» и неспеша поедешь задерживать Потапову.

— И что?

— А то. Посмотри на часы, если «Белавиа» не подведет, она уже будет над Германией.

* * *

А в это время на первом этаже аэропорта Минск-2 каскадеры прощались с Еленой и Павлом.

Они стояли двумя группками. В одной из них Борода что-то говорил Павлу, а во второй Влад и Юрась отвлекали от черных мыслей Елену.

— Ты не передумал, — спросил Павла Борода, — может, останешься там насовсем.

— Нет, — ответил Павел, — мне кажется и мать, если бы ее продолжали снимать, не уехала бы в Париж.

— Мы бы все не уехали в... Париж, — ответил ему Борода, — если бы нас продолжали снимать.

— В какой Париж? — не понял Павел шутки Бороды.

— В тот самый, в тот самый..., где Влад работает электриком-униформистом в Гранд Опера, я — в автомастерской на Елисейских полях, а Юрась сшибает луидоры и пьянствует с клошарами в кафешках вдоль набережной Сены.

— А-а, — засмеялся Павел, вот вы о чем.

— Ну да, ты думал у меня крыша поехала?

А во второй группке шли разговоры иные.

— Лена, — сказал Влад, — как оригинально у тебя повязан платок...

— Последняя парижская мода, — ответила Елена, — что-то среднее между завязкой цыганской косынки и воротником мужской рубашки под названием собачье ухо...

— Ну и название, — вставил свои пять копеек в отвлечение Елены от дурных мыслей, Юрась, — легче научиться завязывать такой платок, чем запомнить, как он называется.

— Володя, — сказала Лена, — ты сыграл бы мне что-нибудь на прощание.

— Как скажешь, — ответил Влад и стал расчехлять гитару.

Увидев это, к ним подошли Борода и Павел.

— Ну, — сказал Борода, — «деньжат не густо отвалил».

— Нет, — не согласилась Елена, — что-нибудь лирическое из семидесятых...

Влад некоторое время подумал, а потом начал вступление гитарным перебором и первыми его словами были:

Из окон корочкой несет поджаристой,
За занавесками — мельканье рук.
Здесь остановки нет, а мне, пожалуйста,
Шофер автобуса — мой лучший друг...

После первого куплета на них тут же обратили внимание и, когда Влад дошел до слов:

А кони в сумерках кольшут гривами,
Автобус старенький бежит, звенит,
А Лена, Леночка мне б за двугривенный
В любую сторону твоей души...

...появился наряд милиции. Но не обычный, а в камуфляжной форме, в черных беретах, с дубинками по бокам и наручниками сзади курток.

— Почему нарушаем? — спросил старший.

— Мы больше не будем, — детским голоском произнес Юрась, а Борода наступил ему на ногу.

— Конечно, не будете, — сказал жестко старший, посмотрев на Юрася и оценив степень опьянения последнего, — это вам не Париж... пакуем всех...

Влад укоризненно посмотрел на Юрася, а тот пожал плечами, мол, а чего я такого сказал?

Положение спас какой-то мужик в гражданском. Он подошел к старшему наряда, предъявил удостоверение и что-то произнес.

Старший приложил руку к берету и, повернувшись, покинул сценическую площадку.

Тут на радость всем объявили посадку, и провожающие и отлетающие двинулись к одному из пунктов досмотра.

— Слушай, — спросил Влад Бороду, — ты рядом стоял с ними, что он сказал этому в берете?

— Потом скажу, — ответил ему Борода, — а пока провожаем Лену.

— Счастливого пути, — произнес Влад.

— Мягкой посадки, — добавил Юрась, — и кивнул в сторону ушедших сотрудников, — не такой как у нас...

— Типун тебе на язык, — произнес Борода.

Елена и Павел скрылись за дверями накопителя, а каскадеры отошли в сторону от очереди пассажиров и сели на диванчики неподалеку от выхода.

* * *

Ходкевич в очередной раз звонил шефу якобы из телефона-автомата села, которое они проезжали.

— Ну, а я причем, — говорил он, — сначала ждали автозак, потом ехали, потом что-то случилось с машиной, потом с автозаком...

— А позвонить раньше ты не мог? — бесновался шеф, я бы выслал тебе другую машину.

— Не мог, я не олигарх какой-нибудь, мне на службе мобильных телефонов не дают.

— Вашу мать, — кричал шеф, — с завтрашнего дня заведите пейджер.

— Есть шеф, — ответил Ходкевич, — заведу пейджер, а как им пользоваться?

— Ты что, Ходкевич, из себя и меня дурачков строишь, не трать время, езжай в аэропорт... Ставлю тебе еще одну задачу...

Когда Елена с Павлом скрылись за перегородкой накопителя, каскадеры уселись в креслах напротив табло.

— Чего мы ждем? — спросил Юрась у Бороды.

— Сейчас скажу, — ответил тот.

— А за кем наблюдаешь? — спросил Влад.

— Сейчас отвечу.

— Отвечай быстрее, не томи.

— Ну, если ты так хочешь, то, пожалуйста, — сказал Борода.

Отвечаю на вопросы по мере поступления. Тот мужик, который не дал нас «упаковать», сказал старшему наряда: не трогай их, они наши...

— Что значит, наши? — переспросил Влад.

— Ни хрена себе, — произнес Юрась, — он что, за нас заступился?

— Скорее всего, нет, — произнес Борода, — отвечаю на второй вопрос. Мужик, который за нас «заступился», — это тот же мужик, который наблюдал за нами в кафе на Немиге.

— Вот это да, — удивился Влад.

— И третье, — произнес Борода, — я наблюдаю как раз за ним.

— И что он делает? — спросил Влад.

— Говорит со вторым мужиком и посматривает в нашу сторону.

— Что будем делать?

— Избавляться от компрометирующих вещей, которые могут случайно оказаться в наших карманах.

— А ежели таковых нет?

— Тогда немного посидим, услышим о взлете самолета и пойдем на автобус...

— Тогда я немного посплю, — сказал Юрась и закрыл глаза.

* * *

— Мне, а точнее нам, поставлена новая задача, — сказал Ходкевич, подходя к Толстухе, который вел наблюдение за каскадерами.

— Какая, позвольте поинтересоваться?

— Он сказал, чтобы я не гонял автозак пустым. И если я не успею арестовать Потапову, то должен арестовать актеров.

— Но у нас нет основания...

— Уже есть. Шеф допросил или сказал, что допросил Дrajнина, и тот заявил, что может опознать по голосу и очертаниям фигур его похитителей. А так как актриса вероятнее всего улетела, и доказать правомерность их действий некому, то...

— Значит, нужно проводить опознание? Но Дrajнин может не «опознать» каскадеров.

— Может, но мне кажется, что он их «опознает».

— Понятно. А как из всего этого выбраться?

— Надо паковать каскадеров, раз команда поступила. Что у тебя в пакете?

— Потом узнаешь, — ответил следователь.

— Но это должно быть дорого?

— Да, не дешево, но такой случай...

* * *

— Впервые видел человека, который предпочитал Минск Парижу, — вдруг произнес Юрась, открывая глаза и потягиваясь.

— Дался вам этот Париж, — сказал Борода.

— Что ты там говорил про мягкую посадку? — спросил Влад у Юрася.

— Да, — вмешался в разговор Борода, — ты бы временами придерживал язык, а то нас чуть было не повязали... Из-за твоих комментариев, между прочим.

— А че я такого сказал... А... вы про это. Ну и мнительные вы стали ребятки, — произнес Юрась, — каждого куста боитесь. Я имел ввиду посадку самолета... А вовсе не посадку в...

— Типун тебе на язык, — произнесли почти одновременно Борода и Влад. Ты же знаешь, пока трюк не окончен, итоги его не подводят.

— Знаю, пошли на воздух...

Они вышли из аэропортского термина и подошли к остановке автобуса. Наверное, автобус только что ушел. Людей на остановке не было.

— Посмотри на расписание, — попросил Борода Влада, — сколько надо будет ждать?

— Не надо расписания, — произнес чей-то голос сзади, — мы вас бесплатно подвезем.

— На чем? — спросил Борода, оглядываясь и видя перед собой незнакомого парня не старше тридцати лет.

— На машине, на чем же еще можно подвезти столько человек, — ответил парень, — не на лошади же.

И тут все заметили, что к остановке, переваливаясь на выбоинах, подъезжает автозак.

* * *

— А вот и карета за нами, — засмеялся Борода.

— Как ни странно, она действительно за вами, — произнес парень из-за спин каскадеров и представился, — следователь Ходкевич. — Вынужден всех вас задержать и доставить в следственный изолятор.

— За что? — спросил Юрась.

— За компанию, — произнес еще один, но уже знакомый голос, появившийся с другой стороны опера, — за компанию с теми, кто похищает людей.

Опер распахнул дверку автозака. Каскадеры один за другим скрылись внутри него.

— Поехали, — сказал следователь шоферу, — но не гони быстро, наша лайба за тобой не успеет.

Автозак тронулся с места, за ним двинулся автомобиль следователя.

* * *

— Вот уж не думал, что внутри он так примитивно устроен, — сказал Борода, усевшись на деревянную лавку. Какое-то время вся троица сидела молча, прикидывая по скорости движения и поворотам возможное место нахождения автомобиля.

— Вот сейчас мы, наверное, подъезжаем в Кургану славы, — произнес Борода, поскольку автомобиль сделал несколько поворотов.

— А сейчас, — съехидничал Юрась, сидевший на противоположной лавке, — мы выехали на шоссе, ведущее к Минску.

— Интересно, куда нас повезут? — спросил Влад.

— Действительно, интересно, — согласился с ним Юрась, — и нас даже не обыскали.

— А ты откуда знаешь, что нас должны были обыскать?

— Да уж знаю, — ответил Юрась, — попадал в подобные ситуации, правда, в автозаке ездить не приходилось.

Прошло некоторое время, и троица окончательно потеряла ориентировку.

— Где мы? — спросил вдруг Влад.

— А хрен его знает, — ответил Борода, и обратился к Юрасю, — а тебя, разбойник, куда возили?

— В обезьянник Фрунзенского отдела, — ответил Юрась.

— А-а, значит, в тюрьме ты не был.

— Не был, но знаю из общения с себе подобными, что в таких случаях арестованных возят либо на Притыцкого, либо на Володарку.

— Странно как-то нас везут, кругами какими-то, — произнес Влад.

— А, вот остановились... — сказал Борода, — сейчас все и прояснится.

* * *

И действительно, послышался звук открываемой двери, и внутрь автозака запрыгнули уже знакомые троице Ходкевич и Толстуха. Они уселись на разные лавки, и Толстуха произнес, выставив вперед челюсть, как это делают блатные:

— Ну, черти, все по первой ходке или есть рецидивисты?

Актеры обескураженно молчали.

— Это перваки, — сказал следователь, в руках у которого был все тот же пакет.

— А-а, перваки, — повторил опер, обращаясь к следователю, — поэтому не знают наших тюремных традиций.

— И что же это за традиции? — мрачно спросил Борода.

— А кто к нам первый раз попадает, — ехидно произнес опер, — тот и представляется, не знали?

— Не-а, — сказал Юрась, — у нас все не так...

— У вас точно все не так, — продолжал куражиться опер. — Кто же вас надоумил этот спектакль с Дразниным разыграть, а если бы он с перепугу дуба врезал?

— А кто такой Дразнин? — спросил Влад.

— Да, — поддержал его Юрась. — Кто такой Дразнин?

— Чем он знаменит? — включился в разговор Борода, — он снимался у Ефремова?

— Он снимался у Спилберга в фильме «Инопланетяне», — сказал опер, — у него была роль второго плана, а вот инопланетян там играли трое белорусских каскадеров. Вот только запомнил их установочные данные.

— А что такое установочные данные? — спросил опера Борода.

— А вот когда будешь, дядя, заполнять тюремную анкету, тогда и поймешь, — неласково ответил опер.

Потом он свирепо оглядел каскадеров и обратился к следователю.

— Они не знают, кто такой Дразнин.

— И что из этого следует?

— Из этого следует, что мы задержали не тех.

— Ну и что. Надо же кому-то отвечать за содеянное. За все надо платить, и они лучше других это знают, у них, как у мушкетеров, был такой девиз.

— Нет, Витя, — сказал опер, — ты что-то перепутал, у мушкетеров был вполне интеллигентный девиз «один за всех и все за одного». А здесь все более запущено.

— Это почему запущено? — искренне обиделся Борода. — Мы от своего девиза не отказываемся.

— И прекрасно, — сказал следователь. — Ведь надо же кому-то за все похищения ответ держать.

— Э-э, нет, — сказал Борода, — за все похищения мы ответ держать не собираемся.

— А вы как думали, — продолжал куражиться опер, — украл один раз и за это отсидел. Ничего подобного. Ведь краж много, а попадаются воры редко, вот на них все кражи и списывают, чтобы раскрываемость была стопроцентной...

— Не может быть, — искренне удивился Влад.

— Может, господа каскадеры, все может быть, если в такие дела влезают случайные люди, полагающие, что им закон не писан.

— Все как раз наоборот, — сказал Борода, — мы-то полагали, что закон как раз для нас и писан, чтобы мы могли за себя и за других постоять. Раз вы нас задержали, значит, можете что-то предъявить. Предъявляйте.

— Ты знаешь, Витя, откуда эта реплика? Из фильма «Любить по-русски», где самый фактурный из нашей троицы играл... кого бы ты думал?

— Не знаю, — подыграл оперу следователь.

— Ты не поверишь, начальника следственного изолятора. Вот отсюда и знание уголовного права, и умение отличить арестованного от задержанного.

— Хватит куражиться, — вдруг взорвался Борода, — раз мы задержаны...

— А скажите мне, — начал свою волюнку опер, — кто вам сказал, что вы задержаны? Витя, ты говорил?

— Нет, — сказал следователь.

— Правильно, мы их не задержали, мы их подвезли из аэропорта в Минск. И сейчас, после процедуры фотографирования, снятия отпечатков пальцев, они могут быть свободны.

* * *

— Как свободны? — спросил Борода. — Вы нас отпускаете под подписку...

— Да, — сказал следователь, расстилая на противоположной от каскадеров лавке газету, устанавливая на ней две бутылки коньяка и ломая на куски плитку шоколада, — считайте, под подписку.

— Начальник, — между тем прокричал опер кому-то наружу, — автомобиль в комплекте? У тебя были охотничьи!

Через решетку окна водитель протянул оперу шесть, вложенных одна в одну, металлических стопок. Следователь разлил в них коньяк.

— Ну...

— За что будем? — не дал ему договорить Борода, который первым из «задержанных» пришел в себя.

— За силу искусства, — ерничая, произнес опер.

— Которая помогла нам раскрыть дело, — добавил Ходкевич и опрокинул стопку. Тоже самое сделал Толстуха.

Актеры, переглянувшись, повторили движения опера и следователя, но по-своему.

Час спустя, к стоящему на обочине автозаку подъехала милицейская машина. Возможно, она бы проехала мимо, но из автозака раздавалась песня.

— Случилось что? — спросил водителя автозака сотрудник милиции.

— Не-а, — ответил водитель.

— А там кто?

— Артисты.

— Понятно, — усмехнулся сотрудник, и машина поехала дальше.

А внутри автозака только что закончилось братание и начались «разговоры». Причем Влад говорил с опером, а следователю достался Борода.

Юрась, которому коньяк попал «на старые дрожжи», вырубился и спал в углу автозака.

— М-мужики, — сказал захмелевший следователь, — я вас уважаю.

— И я, — произнес с соседней лавки опер.

— Благодаря вам мы нашли организатора всех похищений, — сказал следователь.

— Ну, положим не всех, — поправил его опер.

— Это как сказать.

— А Потапова укатила? — спросил опер Бороду невпопад.

— Да.

— И сына прихватила?

— Да, но на время. Он не хочет жить в Париже постоянно.

— Странно, — пьяно произнес опер, — есть люди, которые не хотят жить в Париже?

— А ты-то сам хочешь? — спросил его следователь.

— Че я там потерял, — ответил опер, — я горэлку люблю салом закусывать, а не лягушками.

— Логично, — произнес следователь.

— Занятная история, — сказал Борода, — в которой каждый достиг, чего хотел. Кто хотел в Париж, уехал в Париж, а кто не хотел, тот остался.

— Ну, я, например, не хотел ни туда, ни сюда, — произнес следователь пьяно. — Я только хотел расследовать это дело и найти виновного.

— И нашел? — спрашивает Борода.

— Дело не расследовал, но главного виновного знаю.

В это время раздался стук по корпусу автозака, и жалобный голос водителя произнес:

— Мужики, у меня смена кончилась.

— Так, — сказал следователь, — мужики, смена закончилась, разъезжаемся по домам.

— Погоди, — сказал опер, — а спеть? Мы на гитаре сидим и ничего еще не спели.

— Давай, Влад, — сказал Борода, — «деньжат не густо отвалил».

— Нет, — произнес Борода, — у Влада есть классная песня о трюках на лошадях.

— А чем трюки на лошадях отличаются от прочих ваших трюков? — спросил опер.

— В трюке на лошади два участника, это каскадер и лошадь. Но лошадь находится в неравном положении с каскадером. Потому что каскадер знает, когда он сделает подсечку, и готов встретиться с землей, а лошадь этого не знает.

— Хорошо, — сказал следователь, — пусть будет про лошадь.

— Когда-то Высоцкий написал песенку сентиментального боксера, а Влад написал песенку сентиментального каскадера, который чувствует свою вину перед вторым партнером, то есть лошадью. Давай Влад и без вступлений, времени уже нет.

Но Влад не был бы Владом, если бы позволил себе не сделать струнного вступления и только потом начал.

Сюжет простой, я за кого-то
Свалюсь на бешеном скаку.
И никогда ты не узнаешь,
Мой конь, когда я подсеку.

Рвану шрабат, подкараулив,
И зло заржав, ты рухнешь с ног.
И небо враз перевернется,
И небо враз перевернется,
И мы завалимся на бок.

А что такое шрабат, — спросил тихо следователь у Бороды.

— Петля такая, ее одевают на переднюю бабку лошади, а другой конец у каскадера в руке.

— Вы про какую бабку? — так же шепотом, спросил опер.

Но следователь махнул ему рукой, мол, не мешай, и все продолжали слушать песню Влада.

Ну, ты прости меня, дружище,
Хоть и удача любит нас,
Но у меня побольше выбор,
Но, у меня ведь больше выбор,
А значит, выжить больше шанс.

— Мужики, — вновь раздался стук по обшивке, — у меня смена кончилась.

— Сейчас, — заорали в три глотки Борода, опер и следователь.

И стали подтягивать Владу в заключительном куплете.

Мой конь как сжатая пружина
Хрипит, кусает удила,
На взводе мы, но он не знает,
На взводе мы, но он не знает,
Когда я упаду с седла.

— Мужики, — снова запричитал водитель, — смена у меня...

* * *

От автозака все расходились пешком.

Перед тем как расстаться, Борода сказал:

— Мужики, сегодня нам повезло, но у этих ребят есть свои начальники, и они могут иначе на все посмотреть. Берем отпуск на пару недель и исчезаем из Минска.

Примерно в такое же время прощались друг с другом опер и следователь.

— Что скажешь шефу завтра? — спросил Толстуха.

— Скажу, что у них алиби, — ответил Ходкевич.

* * *

Прошло две недели, и в кафе на Немиге встретились Влад и Борода.

— Слушай, брат, — сказал Борода, — пока ты прятался в пуще, я свое следствие стал проводить. Понимаешь, чувствую я вину свою перед Павлом, вдруг я ему судьбу сломал. Кстати он через неделю прилетает назад. Не может жить в Париже.

— Ну и куда ты со своим следствием пришел?

— Мне не хватает какого-то штриха до полной завершенности, — сказал Борода.

— Ну, так найди этот штрих, или сделай его.

— Вот сегодня у меня свидание в парке Горького с одной дамой. Возможно, там этот штрих и найдется.

* * *

Борода опоздал на свидание, и в условленном месте на берегу Свислочи никого не было. Однако Александр решил ждать. Он понимал, что эта встреча интересна не только ему, но и тому, кто должен прийти на свидание.

* * *

— Привет, дядя, — раздался рядом знакомый голос.

— Привет, Жанет, — отозвался Борода, — садись, покалякаем о житии нашем грешном.

— Я полагала, что мы все уже обсудили, но тебе нейдет, — сказала Жанет, — опять путаешь кино с реальностью.

— Тебе сколько лет? — перебил ее Борода.

— А какое это имеет значение?

— Да просто если тебе нет двадцати, я доскажу тебе сказочку об одной скверной девчонке по имени Юля, которую все почему-то зовут Жанет.

— Заколебал ты меня со своими сказочками, — ответила Жанет.

— Так вот, — произнес Борода, не слушая ее. — Эта девчонка очень хотела увидеть Париж.

— Ты мне об этом уже говорил.

— Не торопись затыкать уши, повторение — мать учения.

— И что в этом зазорного?

— Наверное, ничего, если бы для достижения своей цели она не нашла парня, у которого в Париже живет мать. И не стала склонять его к переезду

во Францию. Но парень сказал ей, что у него свой Париж в самом центре Европы. И тогда девочка втянула юношу в долги Кривому. А затем нашла взрослого дядю по фамилии Дrajнин, который тоже был в долгах как в шелках. Наша девочка вызвалась помочь ему избавиться от долгов, похитив понарошку Павла и выудив деньги у его матери. Как сказочка?

— Дурак ты, дядя, — неожиданно грубо оборвала его Жанет, поднимаясь со скамейки и направляясь прочь, — ты так ничего и не понял...

* * *

С момента той встречи прошло четыре дня.

Борода и Влад снова встретились в кафе.

— Ну что, — спросил Влад, — нашел последний штрих в этой щемящей душу истории?

— Не-а, — ответил Борода, — зато вчера видел вещий сон. Мне все время не давали покоя наручники, которыми была прикована Жанет к батарее.

— И что?

— И вдруг на днях я вижу во сне девицу, стоит она на горе, держит в руках ключ и говорит: «Дурак ты, дядя».

— И что из этого следует?

— Не знаю, но мне кажется, вот-вот все прояснится.

— Не лез бы ты куда не зовут. Смотри, как все хорошо закончилось. Как в кино.

— Я бы так не сказал. Ты помнишь, что Ленка уезжала в платке?

— Да.

— Это вовсе не новая парижская мода. Она за эти дни поседела.

— О, елы-палы, к нам идет некто Дrajнин, — тихо сказал Влад.

— Ребята, мне надо с вами поговорить, — произнес Дrajнин, присаживаясь за столик.

— Вы, видимо, ошиблись, — ответил Влад.

— Нет, мне сказали коллеги...

— Какие коллеги?

— Из следотдела.

— Ну, конечно, ошиблись, — почти одновременно произнесли Влад и Борода, поднимаясь из-за столика.

— Ребята, — почти закричал Дrajнин, — вы не знаете какие это страшные люди... Они как дети, убивают играючи...

— Не провоцируйте нас, — сказал Борода, — К тому, о чем вы говорите, мы не имеем никакого отношения.

Каскадеры мгновенно покидают сценическую площадку, а оставшийся на ней персонаж опускается на стул и затравленно смотрит по сторонам.

* * *

— Деньжат не густо отвалил, зато шутил, зато хвалил... — мурлычет себе под нос Борода, копаясь в моторе очередного автомобиля.

Неожиданно рядом с машиной появился опер.

— Привет, начальник, — произнес он и бросил на капот фотографию мертвого Дrajнина.

— Что с ним произошло? — спросил Борода, вытирая руки тряпкой.

— Его избили малолетки. Хотя надо бы сказать забили... арматурными прутьями и альпийскими ботинками. Эксперты говорят, что ему нанесено не менее сотни ударов.

— Когда это произошло?

— Вчера вечером.

— Их задержали?

— Нет. Жители Зеленого луга посчитали это молодежной разборкой. Пока наряд прибыл, там никого уже не было.

— Я надеюсь, что меня вы не...

— Нет. Хочу только спросить. Кто-нибудь видел ваши лица?

— О чем это вы?

— Саша, — сказал опер, — не валяй дурака. А его (кивает на фотографию) ты раньше видел?

— Да, — неохотно произнес Борода, — вчера он приходил ко мне с какими-то провокационными советами о том, что я должен быть осторожен.

— Точно, ты и твои друзья должны быть очень осторожны.

— Мне не понятно, о чем вы...

— Я говорю о молодежной банде, которая занимается похищениями людей.

— Это печально известная банда Кривого?

— Да. Но Кривой — фигура не существующая. Никакого Кривого на самом деле нет. А бандой руководит некий Цезя.

— Это те, кто убивает играючи.

— Да.

— Вы полагаете, что Дrajнин...

— Я полагаю, что Дrajнина положили шпалой поперек потому, что он узнал или увидел то, чего ему не надо было видеть и знать. Это первое, а второе, — тоже самое может случиться, если кто-то из них видел вас во время ваших трюков. Цезя шуток не любит и фальшивой игры не прощает.

— А что ж вы не арестуете этого Цезю?

— Во-первых, нет доказательств. Во-вторых, его никто не видел. И вполне возможно, что Цезя такой же миф, как и Кривой.

— И кто же создал такой миф?

— Может быть, взрослые уголовники, они иногда прикрываются малолетками, а может быть, этот нарост возник сам по себе...

— Хорошо, — сказал на это Борода, — сегодня же поговорю со всеми заинтересованными лицами.

— Поговорите, — сказал Толстуха, — и вот еще, вчера из Парижа прилетел Павел.

— Я и с ним поговорю.

— Прекрасно, успехов вам всем.

Опер покинул площадку мастерской, а Борода позвонил Владу, попросил его найти Юрася и назначить встречу в кафе на Немиге.

* * *

— Итак, — произнес Борода, — я собрал вас, чтобы сообщить пренеприятнейшее известие.

— К нам едет ревизор, — прервал его Юрась, — так начинался наш дипломный спектакль «Фантазии по Гоголю».

— Не перебивай старших, — сказал Юрасю Влад.

— Короче, вчера вечером грохнули Дrajнина.

- А мы тут причем?
- Был у меня этот парень, опер, он сказал, чтобы мы побереглись.
- Нам ничего не угрожает, — произнес Влад, — нас никто не видел. Ты что все время вниз смотришь?
- Хочу рассмотреть последнюю молодежную моду, альпийские ботинки, — сказал Борода.
- Я таких не видел, — произнес Влад.
- И я... — пьяно сказал Юрась, качнувшись.
- Все это может быть милицейской игрой.
- Дай-то Бог, — произнес Борода, отпив глоток сока.
- Павел еще не прилетел?
- Прилетел, и мне сегодня же нужно заехать к нему, поговорить.
- Не переживай, — сказал Влад. — Мы хорошо отыграли. И никому не перешли дорогу. А значит, можем спокойно лечь на дно.
- Слушай, а ведь неплохой сюжетец был бы, — сказал Влад.
- Точно, — подтвердил Борода, — а заканчивался бы фильм тремя эпизодами. Вечер, огни на арене, и ты стоишь в униформе, а после — кадры из фильмов с твоим участием. А потом я, копающийся в двигателе автомобиля, и мои трюки.
- Ну да, — ехидно произнес Юрась, — а потом кадры с моими фильмами, и я с бомжами возле магазина.
- Нет, тут не хватает еще одного эпизода, — сказал Борода. — Париж, и Елена крутит фильмы со своим участием.
- Борода взглянул на часы.
- Ладно, — сказал он, — мы обо всем договорились, мне пора, я должен быть у Павла первым.
- Как знаешь, — ответил на это Влад, — а мы с Юрасем еще посидим.

* * *

На проспекте Шевченко Борода долго не мог припарковать автомобиль. Наконец это ему удалось, и он направился к дому Павла. Было уже темно, фонаригорели плохо. Борода больше смотрел себе под ноги, чем по сторонам. И тут он увидел три пары альпийских ботинок. Борода поднял голову.

Перед ним стояла Жанет, а по бокам ее два крепких парня с арматурными прутьями в руках.

- Привет, дядя! — сказала девушка.
- Жанет? — произнес Борода, подавляя растерянность.
- Ну, Жанет меня зовут в миру, а для близких людей я — Цезя.
- Вот те раз, — произнес Борода.
- Вот те два, — ухмыльнулась Жанет-Цезя.
- Ты ждешь меня?
- Да.
- Зачем?
- Хочу рассказать тебе сказочку.
- О чем? — удивился Борода.
- О том, что за все надо платить.

